

Slavery: Theory and Practice

Has been issued since 2016. E-ISSN 2500-3755
2021. 6(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Dudarev Sergey – Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation (Editor in Chief)

Molchanova Violetta – Cherkas Global University, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Biriukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Makhortykh Sergei – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Rekhovskii Aleksandr – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Tsetskhladze Gocha – Oxford University, Oxford, UK

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1, Washington, District of Columbia 20036 Release date 16.12.21

Website: <https://stp.cherkasgu.press> Headset Georgia.
E-mail: dudarev51@mail.ru

Founder and Editor: Cherkas Global University Order № 6.

Slavery: Theory and Practice

2021

Is. **1**

CONTENTS

Column by editor in chief	3
Articles	
From the History of Slavery and the Slave Trade in the Belarusian Lands of the X–XIII centuries E.V. Kravtsova	6
On the Place And Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai) S.L. Dudarev	14
Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 I.A. Ermachkov	26
Slavery in the Ottoman Empire (the first half of the XIX century): on the Status of Monastic Slaves A.V. Goncharenko	35
The First Artistic Experience of Comprehending the Issue of Female Sexual Slavery in Specific Don Cossack Literature: the Store «Bulavin’s Grave Sin» by N.I. Krasnov (1884) A.Yu. Peretyatko, M.A. Selezneva	42
In Memory of Vladimir Alexandrovich Zakharov (07.17.1946–01.11.2021) D.S. Dudarev	54
Reviews	
The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. Bylye Gody. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266 (A Special Issue) V.P. Trut	58
The Results of the Second International Competition “Slavery in the Past and Present” K.V. Taran	66

Column by editor in chief

В очередном номере нашего журнала рассматривается ряд интересных аспектов темы рабства в Средние века и Новое время в Восточной Европе, на Северном Кавказе, Среднем Востоке и в Центральной Азии.

Е.В. Кравцова, рассматривая рабство и работорговлю в белорусских землях в X–XIII вв., сделала вывод о заметной роли в развитии рабовладения Древней Белоруссии княжеских междоусобиц. Ею прослежены направления, по которым «живой товар» направлялся на внешние рынки. Вывоз невольников за пределы данного ареала показателен, поскольку вся эта масса не могла найти себе применения на месте. Об этом говорит и эпизод, приводимый исследователем, о массовом захоронении в одном из Друцких курганов. Оно является следствием как избытка подневольной силы, так и слабой христианизации этих земель в то время. Торговля рабами составляла важную часть экономического обмена древнерусских земель со странами Запада и Востока. Одновременно такая практика побуждала часть населения искать спасение в бегстве. Автор указывает, что крестьяне и иные зависимые лица искали спасение на севере Руси, на Волге и т.д. В этой связи любопытно отметить, что бегство «потенциальных кандидатов» в рабы, по-видимому, было составной частью оттока с Киевской Руси, в состав которой в разное время входили те или иные княжества, с территории Белоруссии тех людей, которые затем вошли в состав т.н. бродников, т.е. предшественников казачества. Данное явление, как указывает автор, отрицательно сказалось на дальнейшем развитии белорусских земель и привело к их упадку.

Наша статья посвящена теме пребывания армян в Закубанье в конце XVIII – первой половине XIX вв. и может представлять интерес в связи с изучением истоков историко-культурного и иного партнёрства народов Кубани, которые уходят в далекое прошлое, и их взаимодействия с Российским государством в процессе интеграции адыгов, армян, ногайцев и представителей других народов Северо-Западного Кавказа в российские политические, экономические, социальные и иные структуры. Ведущим направлением деятельности закубанских армян были торговля и обмен. Одной из сторон в этой сфере были операции с невольниками, являвшимися в то время ходовым «товаром» на всем Кавказе. Армянские торговцы выступали медиаторами в передаче российских пленников, захваченных черкесами, властям Черномории, имея за это посреднический процент. Пленные также обменивались на товары или шли по «номиналу». Важной гранью в данной деятельности ряда армянских купцов была безвозмездная передача России ее подданных, выкупленных у закубанцев. Данная благотворительность армянских «деловых людей», живших в России или стремившихся обрести российское подданство, получила высокую оценку лично императора Николая I.

В центре внимания статьи И.А. Ермачкова находится судьба русских пленников, оказавшихся в неволе в Хивинском ханстве. Она интересна прежде всего в сравнительно-историческом плане, поскольку позволяет сопоставить близкие явления – набеговую деятельность черкесских наездников (в том числе знатных) и захваты русских промышленников на Каспии хивинцами, представлявшими интересы местной феодальной верхушки. По сути дела, и те и другие представляли собой единый мир на периферии Российской империи. Он находился в состоянии сложных социополитических контактов с Россией, в центре внимания которых стояла проблема выбора путей исторического развития: или вместе с Российским государством, или в составе какой-либо западной державы (либо под ее протекторатом). Захват пленных черкесами (и вообще северокавказцами) был видом, как полагает ряд исследователей, промысловой деятельности либо своего рода инициацией для молодёжи, входившей во взрослое состояние. Хивинские пленники, несомненно, обогащали местных феодалов. В том и другом случае предполагался обмен и продажа пленных за пределы своей этносферы. Это выявлено автором на примере того, что среди хивинских пленников оказался и черноморский казак, захваченный черкесами; подобные факты во множестве представлены в документах из ГАКК, опубликованных недавно А.А. Черкасовым (см. ниже в рецензии на это издание). Можно согласиться с автором в том, что российские власти в отношении и хивинских, и кавказских пленников проявляли попечение, стремясь выменять невольников на захваченных

представителей противоположной стороны или выкупить их. В то же время россияне, находившиеся у горцев, нередко, несмотря на большие сложности, сами освобождали себя из плена, «выбегая» из него (см., например, опубликованные документы из ГАКК), или обретали свободу с помощью посредников (см. выше), будучи сами не в состоянии выплатить средства, требуемые похитителями. Кавказские власти, стремясь к освобождению захваченных россиян, тем не менее не имели возможности, да и цели, выкупить *каждого* пленника (см. мемуары «кавказских пленников» и одноименные произведения русской литературы). Бегство же из Хивы было еще более затруднительно из-за ее удалённости.

В статье В.А. Гончаренко анализируется феномен, крайне интересный и даже экзотический с учётом конфессионального окружения Ближнего Востока, особенно применительно к середине XIX в., а также длительного переживания (как и на всем Востоке) тех или иных социальных институтов и отдельных явлений, – монастырские рабы. Этот статус в известной степени условен, так как он весьма далек от классического рабства и неадекватен даже патриархальному: монастырские зависимые лица получали оплату за свои услуги, а не только натурпайк. Нельзя не обратить внимания и на название тех «рабов», которые закреплены за монастырем, – *джебелье*. «Джебелъ» – по-арабски «гора». Расшифровка этого названия дана самим автором: «самая большая часть монастырских рабов в работе вообще не была задействована, а кочевала около монастыря в *горах...* (Ред.)». Невозможно здесь не вспомнить и об эпизоде бегства монастырских рабов на *гору* эль-Тих от притязаний шейха Салеха. Точно так же невозможно пройти и мимо названия тех племен, которые охраняли монастырь, – *кафиры* (араб. – неверные). Обозначение мусульманами тех, кто жил в самом монастыре, перешло и на его защитников, что их нисколько не ущемляло. С кочевниками у монастыря сложился своеобразный симбиоз, основанный на оказании ими услуг обители, от которых номады имели доход. Статья представляет собой исследование яркого примера не только архаических социальных явлений на Востоке, но и межконфессионального сотрудничества на материальной основе.

А.Ю. Перетягко и А.М. Селезнева обратились к оригинальной теме, связанной с оценкой сексуального рабства в конце XIX – начале XX вв. в донской казачьей литературе. При этом за основу такой оценки берется рассказ «Тяжкий грех Булавина» Н.И. Краснова, опубликованный в 1884 г., в центре внимания которого находится судьба черкешенки Нины, оказавшейся в плену у донских казаков в результате их набега на ее племя и потом оказавшейся в турецком гареме. Авторы, проделав глубокий анализ литературного текста, пришли к выводу, что имевший «либеральные взгляды Н.И. Краснов убедительно доказал, что даже самое мягкое рабство у доброго хозяина ужасно именно отсутствием свободы выбора, невозможностью самостоятельно определять свою судьбу. Самая свобода Нины осмысливается Н.И. Красновым через категорию любви, а рабство – через категорию, пускай и относительно мягкого, изнасилования. И Нина мечтает пусть даже умереть, но свободной и рядом с любимым, но не жить в комфортном рабстве – и автор ей в этом явно сочувствует». Гуманистический общечеловеческий смысл этого вывода безусловен. Одновременно, безотносительно судьбы Нины (заметим, имени не черкесского, присущего скорее Грузии и выступавшего в рассказе популярным уже на тот момент маркером «кавказскости» героини¹), отметим, что для черкешенки XIX в. оказаться в гареме у османов чаще всего было делом желанным и престижным, чему есть ряд свидетельств. Полагаем, что облик и образ мыслей героини рассказа отражал взгляды автора на проблемы женской свободы у казаков, выраженные через переживания не-казачки, но женщины-иноплеменницы, волей случая оказавшейся в среде донцов и их строго маскулинного мира. Подобная осторожность понятна в свете негативного отношения донской аудитории к критике ее традиционных ценностей, что в будущем и сказалось в т.н. «деле донских литераторов» 1911 г.

Д.С. Дударев представил небольшую статью, освещающую жизненный и научно-творческий путь видного российского ученого, профессора В.А. Захарова. Его путь очень ярк и необычен, отражая драматические перипетии и противоречия нашей эпохи, а также и разносторонние, незаурядные способности истинного русского интеллигента. Удивительная

¹ Забавно, но одновременно показательно, что главную героиню всенародно любимого к/ф «Кавказская пленница» также зовут Нина.

личность и творчество В.А. Захарова сочетали в себе, казалось бы, несоединимое – сан православного священника и обладание мальтийским рыцарским крестом. Впрочем, у покойного был яркий пример, изучавшийся им при жизни, – император Павел Петрович Романов – православный государь и великий магистр Мальтийского ордена de facto. Как жаль, что нынче таких колоритных фигур осталось совсем мало.

В.П. Труг выступил с рецензией на упомянутую выше публикацию документов из ГАКК, разносторонне оценив их серьезный эвристический потенциал. Автор хорошо видит и понимает большие возможности изданных источников для раскрытия ряда аспектов социально-политической истории Черкесии и Северо-Западного Кавказа в целом, их взаимоотношений с Российским государством, выделив ряд интересных граней данного источникового материала. Указанный пласт источников в целом ряде случаев позволяет непредвзято взглянуть на весьма острые вопросы социального развития местных этносов, связанные с наличием такого феномена, как рабовладение/пленопродавство/ пленовладельчество (если суммировать известные термины об определении использования труда зависимых лиц и их статуса). С другой стороны, стала еще более объемной возможность взгляда на такие обсуждаемые специалистами нюансы российского освоения Северного Кавказа, как симбиоз российских социальных и политических форм с кавказскими, выразившийся в феномене определенного «окавказивания» российской системы, в том числе использовании пленных кавказцев в процессе контактов с горцами и т.п. Есть и иные аспекты в изучении представленного корпуса источников, с наблюдениями по которым мы надеемся поделиться с читателями настоящего издания в ближайшие годы.

От имени небольшого, но сплоченного коллектива авторов выражаем надежду, что материалы номера вызовут интерес у коллег и побудят их поделиться своими мыслями на страницах нашего журнала в самом недалеком будущем.

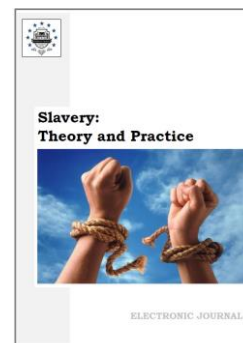
**Главный редактор,
д.и.н., профессор С.Л. Дударев**

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 6-13

DOI: 10.13187/slave.2021.1.6
<https://stp.cherkasgu.press>

Articles

From the History of Slavery and the Slave Trade in the Belarusian Lands of the X–XIII centuries

Evgeniya V. Kravtsova ^{a, *}

^a Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The presented article aims to open a little-studied page in the history of Ancient Rus – the phenomenon of slavery and the slave trade in the Belarusian lands in the X–XIII centuries, in an inseparable context from the general Russian trends of socio-economic and political development. On the basis of the materials studied, the study provides a characteristic of the historiographic base corresponding to the stated problem. An article by I.M. Krasnoperov, found in the journal of the Ministry of Education, played a key role in the study «Slavery and the Slave Trade in Ancient Belarus», published in 1907 and is in essence the only scientific study that raised the issue of slavery on the example of a specific region within the framework of the Old Russian state. When analyzing the available information, gaps were identified, including those associated with sources that may become relevant for further comprehensive study and replenishment by historians. In addition, the author made attempts to trace the transformation of such concepts as servant, servant, slave and how they were perceived by contemporaries, as well as to give an answer to the question of why and in what situations sometimes these concepts could be equated to a common denominator. Attention is also paid to the value of owning «human goods» among representatives of the nobility (princes and their entourage). In connection with this provision of the article, an emphasis is placed on the acts of famous princes (especially those of Polotsk) aimed at turning the population into servitude (the activities of Vseslav the Charodey, Gleb Minsky). For a more complete understanding of the level of slavery and the slave trade in the Belarusian lands of the X–XIII centuries, information about the large centers of these phenomena is presented, as well as a description of the main directions of the slave trade (west, east and south) and what contributed to this. As a result, it was concluded that princely strife played a significant role in the development of slaveholding in Ancient Belarus. Taken together, these phenomena provoked a decline and caused enormous damage to both the population and the unity of the state, which is noticeable in the position of the Russian lands in the XIII–XIV centuries.

Keywords: slavery, slave trade, Belarus, Russia, the Principality of Polotsk, Drutsk, yastern Slavs, khology, zakupy, chelyad.

1. Введение

Тема существования рабства у восточных славян в древности является одной из наиболее изучаемых в российской исторической науке и вызывает немало дискуссий,

* Corresponding author

E-mail addresses: evgeniya-sinchina@yandex.ru (E.V. Kravtsova)

особенно учитывая «неудобность» (Клычников, 2020: 5), стыдливость такой тематики для большинства авторов. Примечательно, что в российской историографии не всё так однозначно даже и в отношении терминов – «раб», «холоп», «челядь», так как с течением эпох значение их изменялось (ЭСБЕ, 1903: 531-538; БСЭ, 1957: 301-302).

Однако, если работ, касающихся теоретических и терминологических проблем, может быть и достаточно, то проявление института рабства на уровне отдельных земель Древней Руси освещено редкими исследованиями. Одним из таких регионов являются белорусские земли X–XIII вв., в особенности – Полоцкое княжество, где также происходили процессы, связанные с рабством и работорговлей. Ввиду того, что проблема является открытой для исследований на сегодняшний день, актуальность ее бесспорна. Для составления наиболее полной картины рабовладельческих отношений и работорговли у славянских племен северо-западных земель Руси, безусловно, необходимо дальнейшее всестороннее изучение этих процессов с привлечением как можно большего количества исторических источников разного характера.

Исходя из изученных нами материалов, целью статьи следует обозначить раскрытие и отображение процессов, связанных с рабовладением и торговлей рабами на примере Древней Белоруссии. Для реализации этой цели поставлены следующие задачи: 1) выявить, какие термины применяли для обозначения зависимых людей и как это соотносилось с понятием «раб»; 2) рассмотреть, какова была экономическая выгода владения «живым товаром» и использования рабского труда для знати (князей, дружинников, бояр); 3) проанализировать деятельность князей (в частности, полоцких), которая касалась обращения населения в зависимых и невольников; 4) охарактеризовать основные невольничьи рынки и направления торговли рабами из белорусских земель.

2. Материалы и методы

Для написания данной статьи нами были привлечены разнообразные научные труды, касающиеся проблемы рабства и зависимых категорий населения у восточных славян. К работам обобщающего характера можно отнести изыскания С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, В.И. Ламанского, А.П. Новосельцева, И.В. Лучицкого, А.А. Зимина, И.Я. Фроянова и др. Сведения, касающиеся социально-экономического развития белорусских земель IX–XIII вв., содержат издания «Гісторыя Беларусі», коллективный сборник «Древнейшие города Беларуси. Полоцк».

Особенно ценной является работа И.М. Красноперова «Рабовладение и работорговля в древней Белоруссии», которая стала базисом для нашего исследования. Опубликована статья была в 1907 г. в декабрьском выпуске «Журнала Министерства народного просвещения», издававшегося в Санкт-Петербурге. Автор Иван Маркович Красноперов – известный русский статистик, этнограф, историк, получивший общественное признание еще при жизни. Увлекаясь краеведением, не обошел он своим вниманием и историю белорусских земель. В работе сделана попытка структурировать имеющиеся сведения по рабству в Древней Белоруссии, а также рассмотреть глубинные причины этого явления, порой даже описывая специфику климата и географическое положение. При этом работа написана без отрыва от общих тенденций развития других восточнославянских земель. Примечательна и обширная историография, на которую опирается автор (И.Е. Забелин, С.М. Соловьев, Е.Ф. Карский, В.Е. Данилович, И.Д. Беляев, И.В. Турчинович, М.О. Коялович, П.П. Мельгунов и др.).

И.М. Красноперов привлек для написания своей статьи еще и источники разного происхождения – фольклорные (белорусские песни), летописи (Новгородская, Ипатьевская), законодательные (Русская Правда), делопроизводства (русско-ливонские акты), а также биографические (жизнепреподобной Ефросинии Полоцкой) и т.д. Заметим, что проблема источниковой базы по нашей теме заключается в том, что в большинстве своем документы содержат общие или скудные сведения об обращении людей в рабство и уровне работорговли в Древней Руси. Особенно непросто воссоздать картину этих явлений, если речь идет о конкретном регионе, например о северо-западных землях.

Для решения поставленных задач в исследовании применяется общепринятый междисциплинарный аналитический подход, а также социально-исторические методы. Кроме того, статья строится на важных для исторической науки принципах – историзме, объективности и системности. В нашей исследовательской работе были использованы историко-системный, описательный методы и метод детерминизма, благодаря которым

выявлены основные механизмы обращения в зависимость и рабство в древнерусском обществе, сделаны попытки раскрыть причинно-следственные связи данных явлений, показана роль в этих процессах князей и других представителей знати, а также охарактеризованы термины, которыми обозначали категории зависимых людей.

3. Обсуждение

Поднимая вопрос о существовании рабовладельческих отношений в Древнерусском государстве, можно обнаружить целую парадигму исследований, касающихся этой проблемы. Фактически в первых трудах по истории России уже встречаются попытки освещения указанной проблематики. Так, например, в труде Татищева В.Н. в главе о древнерусском правительстве содержатся сведения о том, что существовало холопство и рабство, а также дается объяснение, чем они различаются: «Холоп... по договору на время договорное, а раб преодоленный и пленённый есть невольник вечный и наследственный, яко же есть то у неких обычай, что родители детей своих или пленников других в рабство продавались» (Татищев, 1769: 530). В XIX в. наблюдается тенденция более подробной характеристики уровня рабства и работорговли у восточных славян, а также появляется мнение о домашнем рабстве (например, в работах С.М. Соловьева), а иногда появление рабовладельчества у славян связывали с влиянием пришлых варягов. Несмотря на это, рождаются интересные работы, связанные с явлением рабства и тем, как оно отражалось на восточных славянах. Отметим такие работы, как диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании» (1859 г.) В.И. Ламанского, где повествуется в том числе и о торговле славянскими пленниками и рабами в арабских землях и Африке, а также «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» (1886 г.) И.В. Лучицкого, где впервые рассматривалось положение русских рабов, оказавшихся волею судьбы на территории Франции и др. А в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» говорится, что, хотя у славян рабство существовало в основном в патриархальной форме с давних времен, но только «кроме русских» (ЭСБЕ, 1899: 47).

В советской историографии ввиду господства марксистско-ленинской теории позиция историков кардинально менялась и разгорались жаркие дискуссии в рамках изучения общественного строя Древней Руси. Подвести итог под этими научными изысканиями пытался историк И.Я. Фроянов в своей монографии 1996 г. «Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.)». Он анализирует институты рабства и данничества, выходя за общепринятые рамки в советской науке, и демонстрирует свое видение проблемы, в котором важное влияние на формирование упомянутых институтов оказали духовно-нравственные аспекты.

Несмотря на обилие научных изысканий, касающихся социально-экономических отношений Древней Руси, отдельных работ по ее регионам, где существовали рабовладельчество и работорговля, в современном историческом сообществе практически не представлено. Поэтому особенно важно снова ввести в научный оборот забытую статью И.М. Красноперова «Рабовладение и работорговля в древней Белоруссии». В этой работе можно увидеть не только своеобразие упомянутых явлений в северо-западных землях Руси, но и через их призму попытаться понять процесс рабовладельческих отношений во всем Древнерусском государстве.

4. Результаты

Белорусские земли в IX–X вв. уже активно включались в политические и экономические отношения с соседями, в том числе с Киевом и Новгородом (Гісторыя Беларусі, 2007: 148). Во многом этому способствовало выгодное природно-климатическое и географическое положение земель. Также довольно рано узнали и скандинавы об этих местах, включенных в ареал «пути из варяг в греки».

Увеличение торгово-экономических взаимоотношений способствовало разложению родоплеменного строя и усилению социальной дифференциации общества. В XI–XII вв. расслоение достигает такого масштаба, что «верхние слои обратили массы в подневольных рабов» (Красноперов, 1907: 316). Князья, бояре и духовенство сосредотачивали в своих руках не только обширные земельные владения, но и имели целые села с челядью, о чем свидетельствует летописи и, например, житие Ефросинии Полоцкой (Красноперов, 1907: 316). Порой число таких челядинов в одном селе могло достигать несколько сотен человек. Появлялись зависимые категории людей и рабов разными способами, но на этом этапе

преимущественно из-за долговой кабалы либо же путем пленения из других земель. Зачастую положение закупов и рядовичей не особо отличалось от холопского: по «Русской Правде» (статья 62) вполне допускалось бить закупа «за дело» (*Русская Правда*). По мнению же И.М. Красноперова, «производительные земледельческие классы населения в древней Руси были рабами» (*Красноперов, 1907: 317*). Этот тезис он выводит из того, что существовали «неролейные закупы», проживавшие при доме своего господина и отработывавшие долг личными услугами. Нечто подобное существовало и в германском праве.

Практически не могли владеть никакими политическими правами зависимые категории людей и в землях, где существовала вечевая форма управления, например в белорусском Полоцке, который по форме правления был очень схож с Новгородом (*Лысенко, Штыхов, 1966: 10-11*). Челядь, рабы, холопы должны были подчиняться и помогать на собраниях вече «в качестве подсобников той или другой партии, или даже влиятельной личности – кулаками, криком» (*Красноперов, 1907: 318*). Таким образом, экономически зависимых людей зажиточная знать вынуждала выполнять еще и дополнительную работу, не связанную напрямую, скажем, с возвратом «купы» или выполнением «ряда». Такое замечание подчеркивает наличие элементов рабства в древнерусском обществе X–XIII вв. Во время феодальной раздробленности, которая отразилась на развитии всех русских земель, население Древней Белоруссии также было втянуто в усобицы между князьями и подверглось мощной волне насилия и грабежей. Охарактеризовать это можно на примере деятельности известного полоцкого князя Всеслава Брючиславовича (Чародея). Поначалу довольно мирно сосуществовая как с балтийскими, так и другими русскими землями, князь Всеслав Чародей не устраивал крупных и жестоких походов. Однако в 1065 г. он совершает поход на Псков, а в 1066 г. – на Новгород, который разоряет, сжигает и забирает в плен его жителей: «приде Всеслав и възя Новгород, с женами и с детми» (*Новгородская летопись..., 1950: 17*).

О причинах перехода Полоцкого княжества к столь агрессивной политике существует много предположений, но отметим одно из современных и довольно любопытных, так как оно базируется и на данных археологии: во-первых, в XI в. Новгород фактически монополизировал торговлю пушниной со странами Западной Европы; во-вторых, международная торговля во второй половине XI вв. сосредотачивается по Западной Двине, о чем свидетельствуют обнаруженные монеты (*Гісторыя Беларусі, 2007: 157-158*).

Что же касается реакции Ярославичей на походы Всеслава, то она была незамедлительной: «братья взяли Минск, мужчин изрубили, жен и детей отдали на щит (в плен) ратникам» (Соловьев). Можно согласиться с И.М. Красноперовым, что такая политика «согласовывалась с общими нравами того времени и была свойственна и другим русским князьям» (*Красноперов, 1907: 319*). Не избегал подобной практики и князь Владимир Мономах, напавший на Минск в 1071 г. и разграбивший его, не оставив там «ни челядина, ни скотины». Советский историк, академик Б.Д. Греков примечает, что «трудно предположить, чтобы Владимир Мономах с дружиной имели возможность строго различать рабов и не рабов в момент нападения на город Минск. Тут, несомненно, часть населения была истреблена, часть уведена в плен без различия их социального происхождения» (*Греков, 2012: 121-122*).

В 1101 г. умирает князь Всеслав Чародей и его сильное и обширное княжество распадается на уделы с городами Витебск, Минск, Друцк, Орша и др. Усобицы между наследниками продолжают и тем самым отрицательно влияют не только на политико-экономические состояние земель, но и на ухудшение положения низших слоев населения. Каждый князь владел землями, селами, где трудились подневольные – холопы и челядь, которые в основном и становились жертвами феодальных войн. Некоторые исследователи пишут, что полоцкие князья нередко нападали на соседние земли, «уводили оттуда пленных и заселяли ими свою страну», а город Минск «весь заселён был рабами» (*Коялович, 1884: 63*). Например, историк М.О. Коялович подчеркивает, что «полоцкие князья имели большую нужду в людях и забирали их, где только могли» (*Коялович, 1884: 63*).

Проводимая полоцкими князьями в X–XIII вв. политика в отношении низших слоев населения и обращение их в зависимых в статье И.М. Красноперова характеризуется как «политика эгоизма» (*Красноперов, 1907: 321*). Иллюстрацией происходивших военных конфликтов и их последствий на территории Полоцкого княжества в XII в. может быть реконструкция погребального обряда, выполненная в результате археологических

исследований курганов Друцка белорусскими учеными О.Н. Левко и А.В. Войтехович. Обнаруженное массовое захоронение в кургане состояло из представителей разных слоев населения: вероятно, это было княжеское семейство со своим окружением и слугами. Примечательно, что почти все они погибли насильственной смертью (Левко, Войтехович, 2010: 377).

Упомянутый выше город Друцк имел непростую и насыщенную историю, связанную с работоторговлей. На данный момент на месте легендарного Друцка в Белоруссии находится одно из крупнейших городищ, раскопки которого активно ведутся. Отсюда появляются благодаря археологическим находкам представления о Друцке как о богатом и укрепленном городе. Также есть свидетельства в фольклорных и письменных источниках, что у Друцка была и другая, «темная сторона» – город являлся центром работоторговли и был известен именно из-за этой деятельности за пределами Древней Белоруссии.

В начале XII в. Друцк входил во владения минского князя Глеба Всеславича, который смог пошатнуть позиции вече и «безнаказанно проявлял свои рабовладельческие инстинкты» – совершал набеги на чужие владения, крестьян продавал в рабство и даже поощрял это занятие среди своих бояр (Красноперов, 1907: 321). Деятельность Глеба, например известное сожжение Слуцка, привела к тому, что против него выступили Владимир Мономах с сыновьями, а также черниговские князья. Ими были разорены города Орша, Копысь (перевалочный пункт работоторговцев, откуда они отправляли «живой товар» на восток), а также осажден и захвачен Друцк, невольничий рынок которого сжег сын Владимира Мономаха – Ярополк. Оставшееся население Ярополк «переселил на лодках по Днепру в свое Переяславское княжество, построив для них новый город при впадении реки Сулы в Днепр – Желди» (Красноперов, 1907: 321-322). Восстановление города произойдет только почти через полвека. Князь Глеб умер, находясь в плену в Киеве. Жена его, Анастасия Ярополковна, оставила распоряжение, в одном из пунктов которого завещала Киево-Печерской лавре 5 сел с челядью (ПСРЛ, 1871: 338).

Что касается направлений работоторговли, то для купцов из приднестровских земель это были прежде всего половецкие территории. Начиная с X в., экспортировали пушнину, продукты бортничества, а также челядь, получая взамен лошадей, рогатый скот. Примечательно, что набеги за рабами совершали обе стороны: как половцы, так и русские князья с дружиной. И.М. Красноперов приводит в качестве доказательства выдержки из «Слова о полку Игореве» о походе князя Олега на половцев, а также о том, как ценились половецкие мальчики в качестве рабов у венгерских правителей (Красноперов, 1907: 323).

Другим потенциальным направлением сбыта рабов была Византия, а именно Константинополь, где находилась крупнейшая площадка для торговли рабами, в том числе и славянскими. Из белорусских и соседних с ними земель «живой товар» отправляли по Днепру на лодках, в которых умещалось 50 и более закованных рабов (Красноперов, 1907: 324). Далее русских невольников везли в арабские владения, где их также очень охотно приобретали местные работоторговцы, хотя иногда они сами посещали Древнюю Русь для указанного промысла.

Третьим направлением работоторговли из белорусских земель можем считать германские города (например, Ахен, затем Рига). Любопытный пример из русско-ливонских актов за 1286 г. приводит И.М. Красноперов в своей статье: от немецкого купца поступила жалоба на имя витебского князя о том, что его избили и ограбили во время того, когда он «отправился, вооруженный мечом, в полоцкую землю, чтобы у русских "девки купить"» (Красноперов, 1907: 328).

Широко известно, что славянские рабы очень ценились ввиду своей работоспособности, а женщины из-за красоты охотно приобретались в качестве наложниц. Поэтому торговля рабами на территории Древней Руси X–XIII вв. стала явлением массовым и привычным, порой почти не имеющим общественного порицания. Реакция низших слоев населения на обращение в рабство и продажу своими же соотечественниками выразилась в бегстве. Так, многие крестьяне и челядь бежали из родных земель под предлогом паломничества к христианским святыням, из которого уже не возвращались (Красноперов, 1907: 331). Бывали случаи, когда бежали от несправедливости, невежества и насилия над личностью даже знатные люди. Примером выбора своей судьбы и символом противостояния рабовладельческим нравам того времени И.М. Красноперов считает преподобную Ефросинию Полоцкую, внучку Всеслава

Чародея, которая без дозволения родителей приняла монашеский постриг. Принятие сана помогло ей активно участвовать в общественной жизни, заниматься просветительской деятельностью, а также влиять на политическую жизнь: она зачастую выступала с миротворческих позиций в усобицах между князьями. В особенности явление бегства отчетливо прослеживается с XII в. на волне княжеских усобиц, когда массово крестьяне и категории зависимого населения ищут спасение на севере Руси, в Ростово-Суздальской земле, на Волге и т.д. Пустеют и белорусские земли, когда-то густозаселенные в районе Днепра и его притоков, и, соответственно, ухудшается социально-экономическое положение дел в княжествах, здесь расположенных, в политической сфере они перестают превалировать над другими древнерусскими княжествами и не способны противостоять совместно монгольской угрозе. Так, Половецкое княжество в XIII в. во многом по этим причинам сдается власти литовских феодалов.

5. Заключение

Рабство и работорговля в белорусских землях были известны довольно рано. Упоминаются эти явления в источниках здесь уже с X в. По мере углубления социально-имущественного расслоения древнерусского общества и развития феодальных отношений процесс обращения в зависимость и рабство низших слоев населения заметно ускоряется. Сеем предположить, что, несмотря на скудность данных в источниках о рабстве и работорговле у восточных славян, это явление не было чем-то диковинным или неестественным, даже наоборот, рабство и продажа «живого товара» были делом привычным и повсеместным, о чем свидетельствуют, к примеру, древнерусские летописи. Порой современники приравнивали к рабам и обращенных в зависимость (челядь, холопов). Изученные материалы говорят о том, что иногда экономическое подчинение перерастало в притеснение человеческой воли. Даже не спасал от этого и такой народный орган управления, как вече.

Княжеские междоусобицы легли тяжелым бременем на плечи народа. Борьба правителей за власть и территории зачастую сопровождалась грабежами, сожжением городов, убийствами, насилиями, и, конечно же, пленные становились для многих желанным трофеем, который легко можно было сбыть по выгодной цене. Тем более что не только через белорусские земли, но и другие древнерусские княжества проходили крупные международные торговые пути.

Благодаря популярности работорговли в XI–XII вв. на территории северо-западных земель появляются ее специализированные центры: так, города Копысь (место, где останавливалось много купцов и работорговцев перед тем, как отправиться с «живым товаром» за пределы Руси) и главный невольничий рынок – Друцк, от которого на территории Белоруссии в наши дни остался крупнейший археологический памятник средневекового городища. Отсюда работорговля велась в нескольких направлениях – в Западную Европу, половецкие степи, Византию и еще далее: русские рабы были желанным товаром в арабских землях.

Частые усобицы и существовавшие рабовладельческие тенденции в X–XIII вв. не могли привести древнерусское общество к стабильности. Развитие рабства и работорговли стало одним из характерных черт феодальной раздробленности и внутреннего кризиса. Массовое бегство населения способствовало разорению княжеств, их запустению, что в дальнейшем, безусловно, отразилось на политической истории белорусских и других древнерусских земель.

Литература

- [БСЭ, 1957](#) – Большая советская энциклопедия. В 50 т. М., 1957. Т. 46. С. 301-302.
[Греков, 2012](#) – Греков Б.Д. Грозная Киевская Русь. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
[Коялович, 1884](#) – Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. 349 с.
[Красноперов, 1907](#) – Красноперов И.М. Рабовладение и работорговля в древней Белоруссии // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. XII. С. 312-331.

Левко, Войтехович, 2010 – Левко О.Н., Войтехович А.В. Курган с массовыми погребениями XII века в Друцке // Археологія і давня історія України. К., 2010. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 371-378.

Лысенко, 1966 – Лысенко П.Ф., Штыхов Г.В. Древнейшие города Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1966. 84 с.

Новгородская летопись..., 1950 – Новгородская летопись старшего и младшего изводов // Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 642 с.

ПСРЛ, 1871 – Полное собрание русских летописей. Летопись по Ипатскому списку. В 24 т. СПб., 1871. Т. 2. 706 с.

Русская Правда – Русская Правда (пространная редакция) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения: 01.10.21).

Соловьев – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 2. Гл. 2. // Православный портал «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/2_2 (дата обращения: 01.10.21).

Татищев, 1769 – Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. В 5 т. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. 379 с.

Фроянов, 1996 – Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 512 с.

ЭСБЕ, 1899 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 41-м т. СПб., 1899. Т. 26. С. 35-52.

ЭСБЕ, 1903 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 41 т. Т. 37А. СПб., 1903. С. 531-538.

Гісторыя Беларусі, 2007 – Гісторыя Беларусі. У 6 т. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск: Экаперспектыва, 2007. Т. 1. 351 с.

Klychnikov, 2020 – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4-18.

References

BSE, 1957 – Bol'shaya sovetskaya enciklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. V 50-ti t. M., 1957. Vol. 46. Pp. 301-302. [in Russian]

ESBE, 1899 – Enciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. V 41-m t. SPb., 1899. Vol. 26. P. 35-52. [in Russian]

ESBE, 1903 – Enciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. V 41-m t. SPb., 1903. Vol. 37A. P. 531-538. [in Russian]

Froyanov, 1996 – Froyanov, I.Ya. (1996). Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavyan (VI-X vv.) [Slavery and tributary among the Eastern Slavs (VI-X centuries)]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 512 p. [in Russian]

Grekov, 2012 – Grekov, B.D. (2012). Groznaya Kievskaya Rus' [Formidable Kievan Rus]. M.: Algoritm, 256 p. [in Russian]

History of Belarus, 2007 – History of Belarus. In 6 vols. Ancient Belarus: From the initial settlement to the middle of the XIII century. Ed. M. Kostyuk (ed.) and others. Minsk: Ekoperspektyva, 2007. Vol. 1. 351 p. [in Belarusian]

Klychnikov, 2020 – Klychnikov, Yu.Yu. (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.

Koyalovich, 1884 – Koyalovich, M.O. (1884). Chteniya po istorii Zapadnoj Rossii [Readings on the history of Western Russia]. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 349 p. [in Russian]

Krasnoperov, 1907 – Krasnoperov, I.M. (1907). Rabovladienie i rabotorgovlya v drevnej Belorussii [Slavery and the slave trade in ancient Belarus]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Ch. XII. Pp. 312-331. [in Russian]

Levko, Vojtekovich, 2010 – Levko, O.N., Vojtekovich, A.V. (2010). Kurgan s massovymi pogrebeniyami XII veka v Drucke [Mound with mass burials of the 12th century in Drutsk]. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini*. K. Vip.1: Problemi davn'orus'koï ta seredn'ovichnoï arheologії. Pp. 371-378. [in Russian]

[Lysenko, Shtyhov, 1966](#) – *Lysenko, P.F., Shtyhov, G.V.* (1966). *Drevnejshie goroda Belorussii* [The oldest cities of Belarus]. Minsk: «Nauka i tekhnika», 84 p. [in Russian]

[Novgorodskaya letopis'..., 1950](#) – *Novgorodskaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod Chronicle of the Elder and the Younger Elimination]. Pod red. i s predisl. A.N. Nasonova. M.; L., Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1950. 642 p. [in Russian]

[PSRL, 1871](#) – *Polnoe sobranie russkikh letopisej. Letopis' po Ipatskomu spisku* [Complete collection of Russian chronicles. Chronicle according to the Ipat list]. V 24-h t. SPb., 1871. Vol. 2. 706 p. [in Russian]

[Russkaya Pravda](#) – *Russkaya Pravda* (prostrannaya redakciya) [Russian Truth (lengthy edition)]. Elektronnye publikacii Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) RAN. [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (date of access: 01.10.21). [in Russian]

[Solov'ev – Solov'ev, S.M.](#) *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 2. Gl. 2.* [History of Russia since ancient times. Vol. 2. Ch. 2]. Pravoslavnyj portal «Azбуka very». [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/2_2 (date of access: 01.10.21). [in Russian]

[Tatishchev, 1769](#) – *Tatishchev, V.N.* (1769). *Istoriya Rossijskaya s drevnejshih vremen* [Russian history since ancient times]. V 5-ti t. M. Vol. 1. Ch. 2. 379 p. [in Russian]

Из истории рабства и работорговли в белорусских землях X–XIII вв.

Евгения Владимировна Кравцова^{a, *}

^a Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Представленная статья ставит своей целью открыть малоизученную страницу истории Древней Руси – явления рабства и работорговли в белорусских землях в X–XIII вв. – в неотрывном контексте от общерусских тенденций социально-экономического и политического развития. На основе изученных материалов в исследовании дается характеристика историографической базы, соответствующая заявленной проблеме. Ключевую роль в исследовании сыграла обнаруженная в журнале Министерства просвещения статья И.М. Красноперова «Рабство и работорговля в древней Белоруссии», опубликованная в 1907 г. и являющаяся по своей сути единственным научным изысканием, поднявшим вопрос о рабовладении на примере конкретного региона в рамках Древнерусского государства. При анализе имеющихся сведений выявлены лакуны, связанные в том числе и с источниками, которые могут стать актуальными для дальнейшего всестороннего изучения и восполнения историками. Помимо этого, автором сделаны попытки проследить трансформацию понятий «холоп», «челядь», «раб» и как они воспринимались современниками, а также дать ответ на вопрос, почему и в каких ситуациях иногда эти понятия могли приравниваться к общему знаменателю. Также обращено внимание на ценность владения «живым товаром» среди представителей знати (князей и их приближенных). В связи с этим положением статьи сделан акцент на деяниях известных князей (особенно полоцких), направленных на обращение населения в подневольное (деятельность Всеслава Чародея, Глеба Минского). Для более полного представления об уровне рабства и работорговли в белорусских землях X–XIII вв. представлены сведения о крупных центрах этих явлений, а также дана характеристика основным направлениям работорговли (запад, восток и юг) и что этому способствовало. Сделан вывод о том, что существенную роль в развитии рабовладения Древней Белоруссии сыграли княжеские усобицы. В совокупности же эти явления спровоцировали упадок и нанесли огромный ущерб как населению, так и единству государства, что заметно на положении русских земель в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: рабство, работорговля, Белоруссия, Русь, Полоцкое княжество, Друцк, восточные славяне, холопы, закупы, челядь.

* Корреспондирующий автор

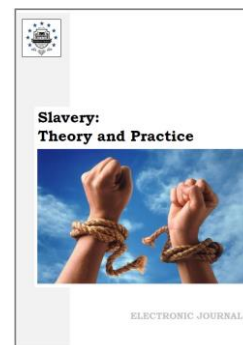
Адреса электронной почты: evgeniya-sinchina@yandex.ru (Е.В. Кравцова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 14-25

DOI: 10.13187/slave.2021.1.14
<https://stp.cherkasgu.press>

On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai)

Sergey L. Dudarev ^{a,*}

^a Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation

Abstract

Based on materials from the State Archives of the Krasnodar Krai on the territory of Trans-Kuban region at the very end of the 18th – first half of the 19th centuries a group of Armenian merchants stands out. It is conditionally divided by us into *Armenian slave owners* who have used the forced labor of people for many years, *Armenian slave traders*, who were engaged in the exchange and sale of captives, *merchants – manufacturers of retailers* involved in the sale of various goods. At the same time, the degree of successful participation of these people in trade operations led to their differentiation among themselves. Among them were those who themselves became prisoners, or were forced to leave the area of their trading activities in connection with the oppression of the local feudal elite or certain ethnic groups (*Armenians are refugees*). The greatest deprivation was experienced by the Armenians from neighboring regions, who did not have local support (for example, in the form of Kunak ties). However, changes in the political situation made the position of Armenian merchants unstable, if not dangerous. They made the decision to accept Russian citizenship.

The most indicative is the activity of a group of Trans-Kuban (and Nakhichevan) Armenians, who can be called “*Armenian philanthropists*”. Their activity is most typical for the 1820s-1840s. – a time of growing military tension in the North-West Caucasus, when the local population had to choose with whom they would build their future – with supporters of traditional freedom (including, raids, slave trade, blood feud, etc.), or a peaceful life under the Russian imperial order. Armenian philanthropists, like many of their fellow tribesmen, chose the second path. They nobly sought to alleviate the suffering of their new compatriots, helping to ransom those who had the hard lot of a prisoner-slave.

Keywords: armenian merchants, Circassians, Kunaks, raids, slave trade, Russian prisoners, soldiers, Cossacks.

1. Введение

Тема пленопродавства/пленовладения (в более упрощенном прочтении – рабовладения)¹ на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв., в том числе в его северо-западной части, неоднократно поднималась исследователями (из новейших выступлений, где присутствует и историография, см.: [Дударев, Дударев, 2017](#); [Dudarev, Dudarev, 2017](#); [Клычников, 2020](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

¹ Рабство, рабовладение на Северном Кавказе в названную эпоху было не классическим, а патриархальным.

Важным событием в исследовании феномена рабства в Черкесии стала фундаментальная публикация А.А. Черкасовым большого корпуса (1200 единиц) источников из ГАКК (Cherkasov, 2020: 1415-2266) (Ф. 249, 250, 254, 256, 260, 261, 263, 264, 301, 322, 318, 324, 686, 687, 717), которая представляет большой интерес в связи с тем, что содержащиеся в ней источники охватывают достаточно широкий спектр вопросов, связанных с указанной тематикой и смежных с ней. Так, видное место в данной подборке документов принадлежит тем из них, которые содержат сведения о судьбах российских солдат, казаков и членах их семей, оказавшихся в плену у горцев. Однако опубликованные документы не сводимы к этому важному вопросу (пребывание российских невольников у черкесов – один из немаловажных, хотя и весьма экстремальных, каналов узнавания россиянами мира горцев). Впрочем, и он не так «прост», как кажется. Так, например, среди российских пленников определенное место занимают такие, которых можно отнести к людям с «девиантным поведением», «одиссеи» которых требуют специального анализа. Отдельная категория пленных россиян – «Иваны, не помнящие родства», т.е. те, кто, оказавшись в плену в детстве, утратил свои корни. Еще один любопытный сюжет, связанный с восточнославянским компонентом среди невольников, – это история липован-некрасовцев.

Но если отойти в сторону от темы российских пленников, то окажется, что среди указанных документов есть мощный «черкесский пласт», т.е. истории черкесских и ногайских выходцев из Закубанья, большинство из которых стремились обрести российское подданство. Один из ведущих мотивов, связанных с «черкесской» темой, – это причины, по которым черкесы стремились дать присягу России.

Наконец, есть еще одна тема, которая представлена в корпусе источников, опубликованных А.А. Черкасовым. Это судьба армянского населения, жившего в Закубанье и занимавшего свое особое и немаловажное место в социокультурной и этнополитической панораме этой территории в конце XVIII – первой половине XIX вв. В связи с занимаемой им нишей, связанной прежде всего с посреднической торговлей между черкесами и другими горскими народами, Черноморским казачьим войском, российскими купцами и т.д., армяне выполняли роль важного медиатора, который в силу своего делового опыта, обширных контактов, знания традиций и менталитета горцев имел широкий спектр взаимодействия с разнообразными и порой очень непохожими друг на друга партнерами. В ходе этих контактов армянские купцы нередко выступали и как продавцы/покупатели, владельцы «живого товара».

Целью данной работы является установление места и роли армянских торговцев в экономическом обмене между черкесским Закубаньем и российской стороной в конце XVIII – первой половине XIX вв. Задачами – выявление тех или иных групп армянского населения, связанных с экономической спецификой своей деятельности, их этнического и территориального статуса, характера связей с горцами и россиянами, а также выяснение реальности тех или иных негативных стереотипов, сопряженных с профессиональными занятиями армянского купечества.

2. Материалы и методы

1. В упомянутой выше публикации А.А. Черкасова более 50 наименований занимают те из них, которые связаны непосредственно с темой данной статьи и являются основой для ее написания. В них изложены обстоятельства, связанные с пленением тех или иных людей, ставших объектами сделок в процессе обмена, присутствуют данные о характере и специфике обмена, указания на специфическое положение лиц армянской национальности в связи с политическими событиями в Закубанье и т.д. По источникам характеризуются группы лиц армянской национальности в связи с их местом в местном обществе, с учетом того, что они и сами могли выступать зависимыми лицами и беженцами, нуждавшимися в покровительстве со стороны российских властей. Источники, выявленные в ГАКК (Ф. 249, 250, 324, 686), указывают на то, что интересы общности горских армян в Закубанье невозможно связать исключительно с действиями меркантильного свойства, нацеленными только на торговлю людьми, но необходимо в наибольшей степени связывать с динамикой социополитической обстановки в 1820–1840-е гг.

2. Объектом исследования служат социальные и производственные отношения закубанских армян в конце XVIII – середине XIX вв. во взаимосвязях с черкесами и

россиянами. Предметом – специфика положения армянских купцов в торговле, но особенно – в деле обмена и продажи пленных (по большей части российских – солдат, казаков и членов их семей), находящихся у черкесов Закубанья в этот период.

Общенаучные принципы, применяемые при написании статьи, – историзм и объективность. С опорой на принцип историзма армянская этническая общность в Закубанье в указанный период исследуется в контексте конкретных социально-экономических, политических и ментальных реалий конца XVIII – середины XIX вв., существовавших на Северо-Западном Кавказе. Исходя из принципа научной объективности, выполняется анализ источников, используемых автором и содержащих конкретные сведения о деятельности армянских купцов по взаимодействию с российскими властями в ходе переговоров о выкупе пленных, о положении армянских беженцев, стремившихся переселиться с территории Закубанья под защиту российских властей, и т.д.

3. Методы, применяемые в данной статье: анализ источников, с помощью которого достигается максимально объективная и полная информация о предмете исследования; историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический, которые дают возможность оценить специфику положения различных групп армянского населения Закубанья, характер их деятельности и особенности статуса, место в общественном производстве и социальной структуре, подоплеку их взаимоотношений с черкесами и российской стороной, мотивированную как политической обстановкой той эпохи, так и чисто человеческими побуждениями.

3. Обсуждение

Вопрос о роли армян в экономике Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX вв. был затронут еще С.М. Броневским ([Броневский, 2004: 86, 89, 92-93](#)), который адресовал им немало критических стрел по поводу манеры их действий и нравов. Обращались к этой теме и его зарубежные современники, например немец Иоганн Лерх, писавший о том, что кизлярские армяне обзавелись для безопасности своих торговых дел кунаками в горских селениях ([Лерх, 2010: 118](#)), а также французский придворный Филипп де Сегюр, отмечавший весьма противоречивое отношение к деятельности армянских торговцев в Кабарде ([Сегюр, 2010: 224](#)). Оценки деятельности армянских торговцев, которых он, подобно Броневскому, обвинял в своекорыстии, давал в первой половине XIX в. и (что весьма важно для темы нашей статьи) специальный комитет, учрежденный для устройства Закубанского края (1830 г.) ([Журнал Комитета: 307](#)). Напротив, командир Отдельного Кавказского корпуса (ОКК) барон Г.В. Розен полагал использовать потенциал нахичеванских армян, которые имели родных и знакомых в горах, в деле налаживания торговли с горцами ([Щербина, 1913: 593](#)). Позитивно оценивал роль закубанских армян и другой командующий ОКК, ген. Е.А. Головин ([Ктиторов, 2002: 41](#)). Позднее известный кубанский дореволюционный историк Ф.А. Щербина, подчеркивая негативное отношение к операциям армянских купцов в Закубанье наказного атамана генерала Н.С. Заводовского и генерал-лейтенанта Г.Х. Засса, обвинявших их в эксплуататорской деятельности, объективно отмечал, что в рамках меновой торговли обе стороны – и горцев, и русских – эксплуатировали торговцы различной этнической принадлежности – и армяне, и русские, и даже смотрители меновых дворов ([Щербина, 2013: 595](#)). В то же время Щербина отметил такое крайне негативное явление, как участие армянских купцов в торговле людьми ([Щербина, 2013: 596](#)). С именем Ф.А. Щербины связана книга «История Армавира и черкесо-гаев» ([Щербина, 1916](#)), которая важна тем, что в ней освещаются страницы истории именно горских, черкесских армян – этнографической группы со своей значительной спецификой, которая как раз сыграла видную роль в контактах с горцами, в том числе и в интересующем нас вопросе.

В советский период в отношении указанного периода истории в обобщающих работах либо констатировали участие армянских купцов первой половины XIX в., наряду с другими (русскими, осетинскими, кумыкскими, грузинскими и кабардинскими) ([История Северо-Осетинской АССР, 1987: 219](#)), либо подчеркивали, что армянские купцы того времени держали в своих руках всю частную торговлю ([Кумыков, 1962: 39](#)). Но случалось и так, что даже в таких знаковых трудах, как двухтомная «История народов Северного Кавказа»,

армянская этническая принадлежность тех или иных купцов указанного времени фактически умалчивалась ([История народов Северного Кавказа, 1988: 76-84](#)).

В современный период историки «вернули» замалчиваемых подобным образом армянских торговцев в сферу исторической действительности, констатируя их участие, наряду с русскими, тифлисскими и другими, в меновой торговле ([Северный Кавказ в составе, 2007: 230](#)), исследуя роль армянского купечества, например в XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе ([Яхшибекян, Иноземцева, 2008: 90-92](#)), и подробно указывая на экономические причины привлечения российскими властями армянских, грузинских и других переселенцев на Северный Кавказ ([История многовековых взаимоотношений, 2009: 132](#)). Особо отметим, что начало 2000-х гг. ознаменовалось выходом монографии С.Н. Ктиторова, в которой на современном уровне исследуется история возникновения Армавира и, что особенно важно для наших целей, дан очерк истории черкесо-гаев, в котором присутствует емкая характеристика этнокультурных и социально-экономических черт этой оригинальной группы армянского народа, дающая ключ к пониманию того особого места, которое занимали горские армяне в историко-культурной и этнической панораме Северо-Западного Кавказа. В то же время автор констатировал, что во время проживания армян в горах главным объектом их торговли были пленные, которые захватывались черкесской знатью в ходе междоусобных набегов ([Ктиторов, 2002: 37-43, 72-73](#)). Об этом же писали и параллельно работающие армавирские историки, которые использовали вышеуказанные свидетельства иностранных авторов XVIII в. ([Виноградов и др., 2019: 162](#)). Примечательно, однако, то, что еще в начале 2010-х гг. появились работы пятигорских и армавирских историков-кавказоведов, важной стороной которых было то, что в них рассматривались случаи (и далеко не единичные) участия армянских дворян, мещан и купцов в выкупе горских пленников в первой половине XIX в. на безвозмездной основе. При этом крайне существенно то, что высшие российские власти в лице императора награждали людей, совершавших такие благородные поступки ([Клычников, Цыбулькинова, 2011: 129-134](#)). Сейчас возникла необходимость проанализировать и систематизировать все известные на сегодня факты участия армянских купцов в сделках с пленными, находившимися в Закубанье до его окончательного присоединения к России, и осветить положение там горских армян в целом, учитывая различные социальные роли, связанные с их статусом и местом в социополитической ситуации.

4. Результаты

Как известно, закубанские армяне в течение сотен лет жили среди черкесов. Многие черты своей культуры и быта, язык, нравы и обычаи они заимствовали у адыгов, сохраняя при этом свои этническое самосознание и принадлежность к армяно-григорианству ([Ктиторов, 2002: 38](#)). Они так же, как и сами черкесы, владели пленниками, захваченными их земляками при набегах как друг на друга, так и на территорию Черноморского войска, используя в своем хозяйстве.

Таковых можно именовать *армянами-рабовладельцами*. Так, рядовой Иван Радионов 7-й роты Нижегородского пехотного полка, захваченный в плен черкесами под Копылом, где была в тот момент главная ставка А.В. Суворова на Кубани ([История Славянска-на-Кубани, 2018](#)), после двухлетнего пребывания в рабстве в Шапси («пониже Екатеринодара») был продан в Атюкай (Гатюкай) (скорее всего, Хатукай (адыг. Хъатикъуай), ныне аул в Красногвардейском районе Республики Адыгея России, армянину, у которого работал 8 лет и затем бежал от него ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248. Л. 55-55об.](#)).

То же самое было и с казаком Артемом Хоруженко Кисляковского куреня, захваченного на сельхозработах на турецкой стороне, т.е. за Кубанью, куда он был отряжен «с лодкой пехотной команды» и оказался потом близ гор в абазинской слободе у армянина ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 3-3об.](#)), откуда бежал (оба случая датируются 1795 г.). Еще более показательна судьба Акима Лошкарева, бывшего солдата Курского пехотного полка, взятого черкесами в плен под Темрюком. Его купил армянин Зеретемир, у которого Лашкарев прожил (т.е. находился в рабстве) 35 лет (!). Однако в 1811 г. хозяин освободил Акима по старости (по достижении 70 лет), и другой армянин, Давид, увез его и представил на Екатеринодарскую карантинную заставу ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 632. Л. 83-83об.](#)).

Покупка и продажа пленных россиян армянскими купцами, которые в данном случае практически выступали как работоторговцы, были делом обычным. На это указывает документ от 1811 г., согласно которому операциями с пленниками занимался мещанин города Нахичевана¹ Давид Хачиков, купивший четырех казаков Черноморского войска, но неудачно: они очень быстро убежали от него к своим (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 604. Л. 70).

Среди этой категории встречались сугубо корыстные люди, руководствовавшиеся исключительно мотивами личного обогащения. Так, согласно рапорту майора Цыха от 27 июня 1816 г. подполковнику С.М. Дубоносу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 707. Л. 19), закубанский армянин, некто Максим, привел на Екатеринодарскую карантинную заставу двух казачьих детей – Федора Чмелева и Евдокима Безкровного, ранее захваченных черкесами, которых Максим, нужно понимать, купил или выменял у похитителей. За детей он хотел 1600 пудов соли – объем, совершенно нереальный по условиям того времени. Застава обратилась к вышестоящему начальству с вопросом, что предпринять – купить за требуемую сумму или просто отпустить пленников, т.е. фактически отобрать их у владельца. Другой пример стремления к личному обогащению (а возможно, и не только) отражается в «Выписке из журнала по Прочноокопскому карантину. Примерно 7 августа 1832 г. №484» (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 30. Л. 44об.-45). В ней речь идет о том, что армянин Качетыр (Хачатур) Давыдов представил на заставу вывезенного из плена сына однодворца Конокова 15-летнего Максима, за которого хочет не только 300 рублей, но и «бонус» в виде находящейся у отца юноши черкешенки Самат (15 лет), приобретенной Коноковым-старшим у казака Карачунова за 800 руб. Карантинная застава, оплатив 300 рублей их соискателю, отказала ему в получении девушки, которая в порядке компромисса была возвращена Карачунову.

Еще один прецедент, указывающий на то, что армянские купцы вели торговые сделки по россиянам, попавшим в плен, содержится в документе «О производстве дознания о выкупленной девицы Дроздовой. 14 июня 1834 г.» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 851. Л. 1-10б., 5). Черкесы разграбили хутор коллежского асессора Худобашева, захватив в плен девушку, Пелагею Дроздову. Она была выменяна у них армянином Аванесом Хачатуровым через своего брата, торгующего за Кубанью, за товар. Хачатуров получил от Худобашева за девушку 1774 руб. Однако, судя по документу, девушка так и не была сразу же возвращена Худобашеву, по ходатайству которого (?)следователь Ливенцов вместе с заседателем Ставропольского земского суда Минотворцевым вынуждены были обратиться в войсковую канцелярию Черноморского войска с просьбой получить у Хачатурова показания под присягой о выкупе им Дроздовой за указанную сумму и т.д. Случай указывает не только на ведение Хачатуровым операций по продаже людей, но и, по-видимому, и на нечестность при их осуществлении.

Были и такие армянские «деловые люди», которые вели операции, связанные с пленными, основанные на прямом обмене одних пленников на других, с получением за это процентов.

Об этом говорят неопубликованные документы из ГАКК, изученные недавно международной группой исследователей (Rajović et al., 2017) и относящиеся к 1803–1804 гг. Среди 19 откупщиков, которые на тот момент занимались обменом (а фактически продажей) пленных, 10 были черкесами, 8 армянами и 1 – русским. Причем на долю армян приходилось 92 пленных, что, по подсчетам указанных ученых, составляет более 61 % от общего числа невольников. Данные авторы фактически приходят к выводу, что обмен пленных как особое занятие не был перспективным для черкесов: они занимались этим делом только для выручки из плена своих родственников. Напротив, закубанские армяне проявляли тяготение к данному роду занятий (Rajović et al., 2017: 1272).

Подобные прецеденты имеются и в изученных нами обнародованных документах из ГАКК. Так, «Выписка из журнала Екатеринодарского частного карантин. 19 сентября 1824 г.» гласит о том, что закубанскому армянину Авганову за доставленных им к Екатеринодарскому меновому двору (этот факт сам по себе весьма показателен!) двух солдат Таманского гарнизонного полка Корнея Сребрянюка и Аникия Школьникова будут переданы на обмен черкесский мальчик Пшекуй Годжемарук и закубанский армянин Газиш

¹ Город Нахичеван был основан на правом берегу р. Дон армянами, переселёнными по указу Екатерины II в 1779 г. из Крыма. В 1838 г. переименован в Нахичевань-на-Дону.

Дануко (имя и фамилия его указывают на принадлежность к горским армянам, т.е. к черкесо-гаям) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 40. Л. 84-85).

Армянские купцы из Закубанья не занимались исключительно торговлей пленными либо обменом таковых. Соответственно, «Выписка из журнала Екатеринодарского частного карантин. 9 июля 1824 г.» гласит о том, что в Екатеринодарскую карантинную контору для очищения поступили армяне с пушными товарами (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 40. Л. 59 об.-61). Ничего необычного в этом нет. Дело в том, что Черкесия давно поставляла на внешние рынки большое количество шкур пушных зверей, о чем, например, говорится в известном трактате Шарля де Пейссоннеля (в год до 50 тыс. шкур куницы, 5 тыс. шкур каменной куницы, 100 тыс. лисьих шкур, 100 тыс. шкур волка и т.д.) (Пейссоннель, 2010: 133). Армянские купцы, таким образом, участвовали и в меховой торговле, которая была особенностью этой части северокавказского «фронта».

Впрочем, те из армян, кто подолгу жил за Кубанью, не всегда имели здесь успешный «бизнес». В «Ведомости о состоянии карантин при Екатеринодарской заставе. 6 июля 1816 г.» указывается о возвращении из Закубанья двоих армянских торговцев, которые прожили там 15 лет, и «ныне, – как сообщает майор Цых, – возвращаются, имения при них, кроме одеяния и 38 тулуков каштанов орехов ничего более не имеется» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 711. Л. 48об.).

Иногда черкесо-гаи, по-видимому, принимали участие в черкесских набегах (?) или каких-то иных недружественных россиянам акциях, что вело к их попаданию в плен к российской стороне (например, Бабук Капланов, взятый в плен 4.09.1823, к которому из Закубанья, где он жил, перебралась поближе его семья – жена и двое дочерей) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 40. Л. 44).

Нелегко порой приходилось представителям армяно-грегорианского духовенства (архиереям, архимандритам и др.), которые, ведя свою миссию среди черкесо-гаев (остававшихся верными своей вере, в том числе и благодаря такой подвижнической деятельности пастырей), оказывались в плену у черкесов (натухайцев). Их паства выкупала у похитителей своих священников (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 373. 290б.; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 373. 290б.; ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 373. 290б.).

Однако самыми превратными были судьбы армян из соседних регионов, которые обстоятельствами были заброшены в Закубанье. В «Рапорте майору М.С. Гулику. 15 мая 1798 г.» речь идет о нахичеванских армянах, оказавшихся в плену в «Закубанской стороне» (перечисляются «Аспадух Калмыков и Мирдирас Тумов с будущими при них Киркдиви Саркисом, Бабуком, Барсуком и Понасовым»). При них оказался и товар – «овчин заячьих 7600, бараньих 1350, лисиц 210, куниц 55, кошечьих шкурок 220, колес деревянных 300, рогов 150». По-видимому, будучи задержанными в Закубанье, нахичеванцы сумели договориться с теми, в чьих руках они оказались, и даже сохранили бывший при них товар (весь или, скорее всего, частично) (ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 379. Л. 15-150б.). Особенно неблагоприятной была участь тех армян, которые в российских документах обозначены как «турецкоподданные». Они переселялись из-за Кубани, порой бросив там все имущество («домашнюю рухлядь»), желая принять российское подданство как гарантию дальнейшего благополучного существования с последующим переселением в Крым, Нахичеван (армянин Соумаф, живший у абазин, с семьей из 6 душ) (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 692. Л. 205; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 692. Л. 207-208); или Екатеринодар (семья из четырех человек – вдова Шерен, дочь и двое сыновей, переселяющиеся к старшему сыну в столицу кубанского казачества, где тот «проживает седельцем в армянских лавках» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 707. Л. 60).

И уж совсем незавидной была судьба таких представителей этого народа, как крымский армянин Мартин Арикелов (по-видимому, Аракелов), 89 лет от роду, 64 года назад захваченный ногайцами и проданный черкесам, который, судя по «Рапорту майору М.С. Гулику. 15 мая 1798 г.», «показал себя по старости уволенным от черкес» (ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 379. Л. 15-150б.).

Но время шло, и если в начале XIX в. ситуация, описываемая в «Рапорте военному губернатору Розенбергу. 9 апреля 1804 г.», где сообщается о желании трех семей черкесо-гаев (Хачадура Темирова, вдовы Ширин и Тича Баронова) быть в подданстве России и переселиться из Закубанья в селение Гривеное (известный Гривенский аул, в котором были поселены черкесы, принявшие российскую присягу), была, судя по анализируемым документам из ГАКК, еще достаточно редкой (при условии, что эти семьи были далеко не бедными и владели ясырями (изначально – рабами-пленными) из черкесов, от 6 до 3 человек) (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1.

Д. 491. Л. 8-80б.), то к 30–40 годам положение еще больше изменилось в худшую сторону. Дело в том, что с усилением хода исламизации адыгов и дальнейшей эскалации военных событий на Северо-Западном Кавказе тучи над черкесо-гаями начинают сгущаться. Как верно отмечает С.Н. Ктиторов, турецкие эмиссары и проповедники, которых в Закубанье становилось все больше, занимались разжиганием ненависти ко всем христианам, и, разумеется, черкесо-гаям, которые все больше переселялись под покровительство России. Были и другие причины, о которых пишет этот ученый: угроза утраты веры и идентичности, желание сохранить дворянские привилегии (первопоселенцы аула Армавир причисляли себя к узденям 1-й степени), расширить перепродажу продукции русской фабричной промышленности, запрет российских властей на работорговлю (с 1804 г.) и ослабление в силу этого, связей с османами, рост духовных связей с соплеменниками из городов Северного Кавказа и Нижнего Дона и др. (Ктиторов, 2002: 38-40).

Подтверждением этих слов является ряд описываемых в документах эпизодов с участием черкесо-гаев, принадлежащих к зажиточным слоям общества, но начинающим терять свой статус из-за роста враждебного давления со стороны закубанских черкесов. Наиболее характерными и красноречивыми являются ситуации с закубанским армянином Асвадуром Саркисовым (бежал из Закубанья от притеснений князя Умчухова вместе со своей семьей, состоящей из 9 членов и такого же количества подвластных черкесских крестьян) (Отношение в Черноморскую войсковую канцелярию от генерал-майора Завадовского. 31 мая 1837 г.) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 46-47) и закубанским армянином Яковом Долговым, который с тремя родными братьями, притесняемый шапсугами, тайно перешел из немирного аула Антхор в аул, где владельцем был прапорщик Пшекуй Ахеджаков, придерживающийся пророссийской ориентации и куда Долгов просил перевести еще одного его брата, который жил, как сказано в документе, в армянском ауле близ крепости Прочноокопской, т.е. будущем Армавире (Отношение в Черноморскую войсковую канцелярию от генерал-лейтенанта Завадовского. 30 марта 1842 г.) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 97-98).

Примечательно, что Саркисов со всем семейством был «зачислен» в черкесский Гривенский аул (с учетом, надо полагать, его происхождения, близкого окружения и социокультурного опыта), а Долгов и его родные были направлены в армянский поселок Пашковский, куда был направлен и их брат Карп, так и не ставший «армавирцем». Соответственно, в Гривенский аул были также отправлены следующие закубанские армяне, вышедшие из Закубанья и принявшие российское подданство: Богдасар Киркоров с семьей и 12-летним мальчиком-крестьянином Гжимафом из адыгов (возраст ребёнка и отсутствие родителей или каких-то других взрослых родственников заставляют подозревать, что мальчик был куплен Киркоровым, т.е. был рабом) (1840) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1314. Л. 65, 72-720б.); Мартин Долгов, с женой и тремя дочерьми (1842) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 159-1590б.). В поселок Пашковский были отосланы бежавшие из гор Багдасар Гарадинов с матерью, братом и двумя сестрами (1842) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 154-1540б.) и Хачик Каракашев с женой и шестью детьми (1842) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 154-1540б.). Впрочем, прибывших из Закубанья армян могли поселить еще и на Каракубанском острове, где находился владельческий аул прапорщика Магмета Аббата (Аббата), что планировалось сделать властями с бежавшим от немирных шапсугов Урусом Айвизовым (Айвазовым) с семьей из «шести душ» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1421. Л. 6) (1836), целью которого было, как выяснилось, вовсе не российское подданство, а обретение покровительства именно Магмета Аббата. При этом У. Айвизов заявил, что если Аббат уйдет за Кубань, то он переселится с ним туда же (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1421. Л. 8-80б.). Иными словами, Айвизовым двигал мотив личной связи, что присуще для обществ с феодальным укладом.

И, наконец, остановимся еще на одной, весьма показательной группе закубанских армян, которую можно именовать «армяне-благодотворители». Входящие в нее торговые люди обращают на себя внимание тем, что выкупали за Кубанью представителей различных национальностей для предоставления им свободы. К ним относятся, возможно, родственники Бабасин и Каспор (Каспар?) Тволовы (Твеловы?), вывезшие из Закубанья жительницу станицы Солдатской А. Царапину, М. Михайлова из ст. Каменнобродской, калмычку Улумжи Габуна, мальчика Армака, жившего на впадающей в Азовское море р. Челбасах (Челбас) (от тюр. Челб-су – ковш воды, мелководная река) (1827–1833 гг.)

(ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. Л. 170б.-18; ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. Л. 260б.; ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 73а. Л. 510б.-52). Впрочем, один из документов, связанных с деятельностью Тволовых, указывает на то, что она включала в себя и элементы обмена пленными. Так, в «Выписке из журнала Екатеринодарского частного карантин. 19 сентября 1827 г.» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. Л. 460б.) указано, что «азиатская девочка Азли Гсан 6-ти лет за Кубань армянину Бабасину Тволову передана», т.е. кто-то из людей, выкупленных Б. Тволовым, мог быть обменен на девочку Азли (Асли).

Принимали участие в благородных акциях по освобождению пленников Аслан Нагаев, выкупивший М. Чаплыгина, сына казака ст. Ладовской (Ладожской?) (1833) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 73а. Л. 830б.-84), ставропольский купец 3-й гильдии Макар Попов, вывезший Н. Волосатова, аптекарского ученика из Навагинского пехотного полка (1834) (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 10б.), Карабат Валов, Каспар и Борин Кумшаевы, доставившие на Прочноокопский карантин группу жителей ст. Григориполисской, сс. Кутуцкого и Марьянского, в том числе женщин с грудными детьми (1834) (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 11), Барон Сонцов, выкупивший целую группу пленных казаков и казачек, казачьих детей из станиц Убеженской, Прочноокопской, Барсуковской, Баталпашинской, Дмитриевской, а также армянских и русских поселенцев из Маджар и Шотландской колонии (т.е. Карраса) (1834) (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 340б. ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 44-440б.), Баркс Кусанов, выкупивший казачку станицы Сенгилеевской М. Федерищеву (1843) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 641. Л. 10б.-60б.).

Армянские торговые люди оказывали помощь и самым «социально незащищенным» представителям восточного славянства, оказавшимся за Кубанью. К сожалению, для истории не сохранилось имя того армянина, который вывез из плена на левобережье этой реки двух русских бродяг – неких 50-летних В. Алексева и Петра, оказавшихся, согласно «Выписке из журнала Прочноокопского карантин. 27 июня 1827 г.», в этом учреждении для стандартной процедуры «очищения» (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 16. Л. 560б.).

Указанные выше годы освобождения армянами-благотворителями пленников из Закубанья (1827–1843) показательны сами по себе. Это был период, когда Кавказская война набирала свою силу и положение черкесо-гаев становилось все более сложным. В то же время, как отмечал В.В. Дегоев, в различных слоях населения Черкесии продолжает сохраняться прорусская ориентация, становятся глубже разногласия между сторонниками войны и мира (Дегоев, 2009: 127). В сложившихся условиях все чаще необходимо была выбирать ту сторону, с которой следовало связать свое будущее, тем более что проблема сохранения идентичности (см. выше) становилась все более острой. Полагаем, что рост указанных благотворительных акций армянских купцов находился в прямой зависимости от происходивших политических событий. Торговые армянские люди в Закубанье все больше осознавали свое христианское «я», которое испытывало большой вызов со стороны ислама (деятельность наибов Шамиля, особенно Мухаммеда Эмина), все глубже понимали необходимость и перспективность единения с Россией, (несмотря на различия между православием и грегорианством) и всемерно стремились поддержать ту силу, которая в сложившихся условиях была гарантией выживания закубанского армянства. Как показывают более ранние исследования наших коллег, и ряд других, кроме названных выше, представителей армянского, в т.ч. закубанского, купечества, но не только его (среди благотворителей были и мещане, и дворяне Нахичевана), занимались вызволением невольников и возвращением им свободы (Клычников, Цыбульникова, 2011: 129-134): Егор Черкесов, Карп Черчанов, Яким Красильников, Иван Шаганов, Карабет Чекмаков, Капрел Хачадуров и др. Купцам 3-й гильдии – Керопу Черчопову, Емельяну Хозезову, Владимиру Чехмакову, Акиму Красильникову, Ованесу и Егору Миасеровым, мещанину Егору Черчесову и др. – император Николай I пожаловал золотые и серебряные медали с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте, причем ряду названных лиц медали были вручены лично Государем. Эти люди были лучшими представителями северокавказского (в т.ч. закубанского) армянства, которые своей гуманной деятельностью продемонстрировали тот факт, что невозможно огульно обвинять тот или иной народ в своекорыстии, среди него есть люди как меркантильные, так и движимые благородными побуждениями.

5. Заключение

Подводя итоги данного исследования, отметим, что в имеющихся в нашем распоряжении материалах из Государственного архива Краснодарского края выделяется группа армянского купечества, жившая и действовавшая на территории Закубанья в самом конце XVIII – первой половине XIX вв. (конкретно в 1795–1843 гг.). Она условно разделена нами на *армян-рабовладельцев*, использовавших на протяжении многих лет подневольный труд тех или иных людей, имевших статус пленника (ясыря), *армян-работорговцев*, которые были мотивированы исключительно целью личного обогащения (при этом рабовладельцы и работорговцы могли в зависимости от обстоятельств менять эти роли или, соответственно, дополнять их), *армян-купцов, производителей розничной торговли*, занимавшихся реализацией различных товаров, в том числе занимавшихся их натуральным обменом. При этом степень успешности участия этих людей в торговых операциях, как и благоприятные или неблагоприятные отношения с черкесским окружением Закубанья, могли быть различной, что, соответственно, вело к дифференциации лиц армянской этнической принадлежности между собой. Среди них были и те, кто сам стал пленником либо вынужден был покинуть район своей торговой деятельности в связи с притеснениями местной феодальной верхушки или определенных этнических групп (*армяне-беженцы*). Наибольшую депривацию испытывали армяне из соседних регионов, не имевшие на месте поддержки (например, в виде куначеских связей, характерных для горской среды). Однако перемены в политической обстановке делали неустойчивым, а то и опасным и положение тех армянских торговых людей, которые, казалось бы, имели наиболее обеспеченное и привилегированное положение, располагая ясырями и зависимыми крестьянами. Они решали принять российское подданство и бежать под защиту российских властей.

Мы выделяем также весьма показательную группу закубанских (и нахичеванских) армян, которую можно именовать «*армяне-благотворители*». Их деятельность наиболее характерна для 1820–1840-х гг. Это было время, когда в связи с нарастанием военной напряженности на Северо-Западном Кавказе тем или иным группам местного населения нужно было выбирать, с кем они будут строить свое будущее – с теми, кто, борясь за традиционную свободу (связанную с междоусобными стычками, набегами, работорговлей, кровной мстью и т.п.), прибегает к помощи османов и британцев, или теми, кто выбирает мирную жизнь при российском имперском порядке, со всеми его особенностями (бюрократия, полицейщина и т.п.).

Очевидно, что армяне-благотворители выбрали второй путь и гуманно стремились облегчить страдания своих новых соотечественников, испытывавших превратности военного времени, помогая выкупать на волю тех, кому выпала тяжелая доля пленника-раба.

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Броневский, 2004 – Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах. Т. 1 и 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 64 с.

Виноградов и др., 2019 – Виноградов Б.В., Дударев С.Л., Приймак Ю.В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII – 1783 г. Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. 210 с.

Дегоев, 2009 – Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864. Политика, война, дипломатия. Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.

Дударев, Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Журнал комитета, 2005 – Журнал Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края, 23 марта 1830 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисцина, Б.П. Миловидов. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 300–316.

История Северо-Осетинской АССР, 1987 – История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе: Ир, т. 1, 1987. 529 с.

История Славянска-на-Кубани, 2018 – История Славянска-на-Кубани (крепости Копылы). 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/chigomanu/topic/68403052492136> (дата обращения: 12.10.21).

История многовековых взаимоотношений, 2009 – История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Институт истории, археологии и этнографии. Махачкала. 2009.

Клычников, Цыбулькинова, 2011 – Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова. А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.

Кумыков, 1962 – Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. 200 с.

Ктиторов, 2002 – Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1939–1918). Армавир, 2002. 384 с.

Лерх, 2010 – Лерх И. Выписки из дневника путешествия в 1733–1735 гг. // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 118–119.

Пейссоннель, 2010 – Пейссоннель Ш. Трактат о торговле на Черном море // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 222–227.

Северный Кавказ в составе, 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

Сегюр, 2010 – Сегюр Филипп де. Воспоминания // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 222–227.

Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Екатеринодар, 1913. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. 1913. 880 с.

Щербина, 1916 – Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-горцев / Сост. чл.-кор. Акад. наук Ф.А. Щербина. Екатеринодар: Электро-тип. т-во «Печатник», 1916. [6], 192 с., 16 л. ил.; 25.

Яхшибекян, Иноземцева, 2008 – Яхшибекян Д.Д., Иноземцева Е.И. Армянское купечество в контексте торгово-экономических отношений Дагестана с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 4. С.90–92.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue).

Dudarev, Dudarev, 2017 – Dudarev S.L., Dudarev D.S. Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 18–30.

Klychnikov, 2020 – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4–18.

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1261–1274.

References

Bronevskij, 2004 – Bronevskij, S.M. (2004). Novejshie Izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim: V 2 tomah: t.1 i 2 [The latest news about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 464 p. [in Russian]

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1) (Special issue).

Degoev, 2009 – Degoev V.V. (2009). Kavkaz i velikie derzhavy 1829–1864. Politika, vojna, diplomatiya [Caucasus and Great Powers 1829–1864. Politics, war, diplomacy]. Izdatel'skij dom «Rubezhi XXI», 2009. 560 p. [In Russian].

Dudarev, Dudarev, 2017 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol': Dizajn-studiya B, 402 p. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2017 – *Dudarev, S.L., Dudarev, D.S.* (2017). Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30.

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Krai].

Istoriya mnogovekovyh vzaimootnoshenij, 2009 – *Istoriya mnogovekovyh vzaimootnoshenij i edineniya narodov Dagestana s Rossiej. K 150-letiyu okonchatel'nogo vhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii. Institut istorii, arheologii i etnografii* [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia]. Mahachkala. 2009. 752 p. [in Russian]

Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR, 1987 – *Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Ordzhonikidze: Ir, t.1, 1987. 529 p. [in Russian]

Istoriya Slavyanska-na-Kubani, 2018 – *Istoriya Slavyanska-na-Kubani, 2018 (kreposti Kopyly)*. 2018 [History of Slavyansk-na_Kubani (Kopyly fortress)]. [Electronic resource]. URL: <https://ok.ru/chigomany/topic/68403052492136> (date of access: 12.10.21). [in Russian]

Klychnikov, 2020 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.

Klychnikov, Cybul'nikova, 2011 – *Klychnikov, Yu.Yu., Cybul'nikova, A.A.* (2011). «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["So the laws are crowding out wild liberty...": the struggle of the Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays)]. Pod red. i s predisl. V.B. Vinogradova. Pyatigorsk: RIA KMV, 256 p. [in Russian]

Ktitorov, 2002 – *Ktitorov, S.N.* (2002). Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1939–1918) [History of Armavir (pre-Soviet period: 1939-1918)]. Armavir, 384 p. [in Russian]

Kumykov, 1962 – *Kumykov, T.H.* (1962). Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vsrossijskij rynek [Involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. *Nal'chik*, 200 p. [in Russian]

Lerh, 2010 – *Lerh, I.* (2010). Vypiski iz dnevnika puteshestviya v 1733–1735 gg. [Extracts from the travel diary in 1733–1735]. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov. Sost. V. Atalikov. *Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh*. Vyp. III. pp. 118-119. [in Russian]

Pejssonnel', 2010 – *Pejssonnel', Sh.* (2010). Traktat o torgovle na Chernom more. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov [Treatise on Trade in the Black Sea]. Sost. V. Atalikov. *Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh*. Vyp. III. Pp. 222-227. [in Russian]

Rajović et al., 2017 – *Rajović G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4): 1261-1274.

Segyur, 2010 – *Segyur Filipp de.* (2010). Vospominaniya [Memories]. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov. Sost. V. Atalikov. *Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh*. Vyp. III. pp.222-227. [in Russian]

Severnyj Kavkaz v sostave, 2007 – *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii* [North Caucasus as part of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska [[History of the Kuban Cossack Host]. V 2-h t. Ekaterinodar, 1913. T.II. Vol. II. Istoriya vojny kazakov s zakubanskimi gorcami [The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban highlanders]. 880 p. [in Russian]

Shcherbina, 1916 – *Shcherbina, F.A.* (1916). Istoriya Armavira i cherkeso-gorcev [History of Armavir and Circassian Mountaineers]. Sost. chl.-kor. Akad. nauk F.A. Shcherbina. Ekaterinodar: elektro-tip. t-vo "Pechatnik", 192 p. [in Russian]

Vinogradov i dr., 2019 – *Vinogradov, B.V., Dudarev, S.L., Prijmak, Yu.V.* (2019). Ocherki istorii formirovaniya severokavkazskoj i prichernomorskoj okrainy Rossii v konce XVII – 1783 g.

[Essays on the history of the formation of the North Caucasian and Black Sea outskirts of Russia at the end of the XVII – 1783]. Armavir: Dizajn-studiya B, 210 p. [in Russian]

Yahshibekyan, Inozemceva, 2008 – *Yahshibekyan, D.D., Inozemceva, E.I.* (2008). Armyanskoe kupechestvo v kontekste torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij Dagestana s Rossiej i narodami Severo-Vostochnogo Kavkaza v XVIII v. [Armenian merchants in the context of trade and economic relations between Dagestan and Russia and the peoples of the North-East Caucasus in the 18th century]. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskij region. Obshchestvennye nauki.* 4: 90-92. [in Russian]

Zhurnal komiteta, 2005 – Zhurnal Komiteta, uchrezhdenного dlya ustrojstva Zakubanskogo kraja, 23 marta 1830 g. [Journal of the Committee established for the organization of the Zakuban region, March 23, 1830]. Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachala XX vv. Sost. Ya.A. Gordin, V.V. Lapin, G.G. Liscina, B.P. Milovidov. SPb: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. pp. 300-316. [in Russian]

О месте и статусе армянских торговцев в черкесском Закубанье и их роли в российско-горских отношениях в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по документам Государственного архива Краснодарского края)

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В имеющихся в нашем распоряжении материалах из Государственного архива Краснодарского края выделяется группа армянского купечества, жившая и действовавшая на территории Закубанья в самом конце XVIII – первой половине XIX вв. (конкретно в 1795–1843 гг.). Она условно разделена нами на *армян-рабовладельцев*, использовавших на протяжении многих лет подневольный труд тех или иных людей, имевших статус пленника (ясыря), *армян-работорговцев*, которые были мотивированы исключительно целью личного обогащения, *армян-купцов – производителей розничной торговли*, занимавшихся реализацией различных товаров, в том числе занимавшихся их натуральным обменом. При этом степень успешности участия этих людей в торговых операциях вела к дифференциации представителей армянской этнической принадлежности между собой. Среди них были и те, кто сам стал пленником либо вынужден был покинуть район своей торговой деятельности в связи с притеснениями местной феодальной верхушки или определенных этнических групп (*армяне-беженцы*). Наибольшую депривацию испытывали армяне из соседних регионов, не имевшие на месте поддержки (например, в виде куначеских связей, характерных для горской среды). Однако перемены в политической обстановке делали неустойчивым, а то и опасным и положение армянских торговых людей, даже тех, которые, казалось бы, имели наиболее обеспеченное и привилегированное положение (черкесо-гаи). Они решили принять российское подданство.

Наиболее показательна деятельность группы закубанских (и нахичеванских) армян, которых можно именовать «*армянами-благотворителями*». Их деятельность наиболее характерна для 1820–1840-х гг. – времени нарастания военной напряженности на Северо-Западном Кавказе, когда местному населению нужно было выбирать, с кем они будут строить свое будущее – сторонниками традиционной свободы (в т.ч. набегов, работорговли, кровной мести и т.п.) или мирной жизни при российском имперском порядке, со всеми его особенностями (бюрократия, полицейщина и т.п.). Армяне-благотворители, как и многие другие их единоплеменники, выбрали второй путь. Они благородно стремились облегчить страдания своих новых соотечественников, помогая выкупать на волю тех, кому выпала тяжелая доля пленника-раба.

Ключевые слова: армянские купцы, черкесы, кунаки, набеги, работорговля, российские пленники, солдаты, казаки.

* Корреспондирующий автор

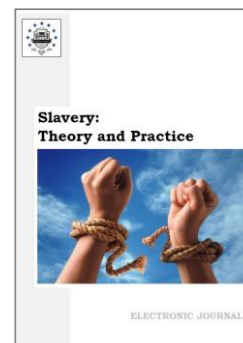
Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 26-34

DOI: 10.13187/slave.2021.1.26
<https://stp.cherkasgu.press>

Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839

Ivan A. Ermachkov ^{a,*}

^a East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

The article considers the Russian official correspondence on the return of Russian prisoners from the Khiva Khanate in 1839.

As sources, the author used archival documents of the State Archives of the Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation), namely case No. 4993 "The case of 80 Russian prisoners taken out of Khiva in 1839". This case contains correspondence about the return of Russian prisoners from the Khiva Khanate. The documents are introduced into scientific circulation for the first time. The work is structured using the basic principles of historicism, consistency and objectivity. The chronological method is of great importance in it, which made it possible to present the official Russian correspondence in chronological order. This, in turn, made it possible to draw attention to neighboring events, for example, to similar measures to detain the Khiva caravan in 1837.

In conclusion, the author states that the undertaken measure of detention of the Khiva caravans by the Orenburg governor V.A. Perovsky for the second time bore fruit, and this time, it was returned to its homeland in 1837 and in 1839 a total of 105 Russian prisoners. The correspondence on this issue was conducted at all levels, from the commandant of the fortress to informing the Russian emperor, partly the reason for this was the letter of the Khiva khan, but a more weighty reason, in our opinion, was concern for the fate of Russian subjects.

Keywords: Khiva Khanate, Russian Empire, return of prisoners, 1839, V.A. Perovsky.

1. Введение

Ко второй половине 1830-х гг. между Российской империей и Хивинским ханством были достаточно непростые взаимоотношения. С одной стороны, Хивинское ханство сильно нуждалось в торговле с Россией, это касалось как импорта, так и экспорта товаров, а с другой – в хивинском сельском хозяйстве использовался труд рабов, которых захватывали в том числе в Российской империи (Оренбургская пограничная линия и Каспийское море¹). В результате, когда нехватка рабов становилась серьезной проблемой для хивинской экономики, хан давал разрешение кочевникам (киргизам и туркменам) начинать разбой на русской территории или в русских водах. Одно из таких разрешений и было дано в 1836 г., что санкционировало большое количество нападений кочевников в Каспийском море на русских рыбаков. В течение весны и лета 1836 г. ими было захвачено значительное количество рыбаков, что вызвало волну негодования в русской администрации. Однако дипломатические протесты, как правило, Хивой не брались в расчет. В результате русская

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

¹ В Каспийском море были рыбные промыслы.

администрация пошла на принципиально новую вынужденную меру – задержку хивинского торгового каравана в Оренбурге в 1837 г. – и выдвинула условие освобождения каравана, а именно возврат в Россию всех пленников, эксплуатируемых в Хиве в качестве рабов. Если учесть, что часть товаров в караване принадлежала лично хивинскому хану Алла-Кулу, то можно представить себе, как хан был заинтересован в возвращении своего имущества. После такого демарша русской администрации оставалось только ждать и ждать пришлось не очень долго. В 1837 г. хивинским ханом было возвращено 25 русских пленников (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 133). После этого 2 года на русской границе как сухопутной, так и морской было затишье. Однако в начале весны 1839 г. ситуация была дестабилизирована вновь, и кочевники захватили около 200 русских рыбаков. Россия была вынуждена вновь задержать хивинский караван...

2. Материалы и методы

В качестве источников нами были использованы архивные документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), а именно дело № 4993 «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году». В нем содержится переписка о возвращении русских пленников из Хивинского ханства. Документы впервые вводятся в научный оборот.

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет хронологический метод, который позволил представить официальную русскую переписку в хронологической последовательности. Это в свою очередь позволило обратить внимание и на соседствующие события, например на аналогичные меры по задержанию хивинского каравана в 1837 г.

3. Обсуждение

Ввиду специфичности темы нашего исследования историографию мы решили расширить: рассмотреть труды по истории не только Хивинского ханства, но и Центральной Азии XIX века. Так, например, P.G. Geiss обратился к теме института управления Центральной Азии в период до прихода русских на территорию и в период покорения Азии (Geiss, 2003). Проблеме межнациональных конфликтов в Хивинском ханстве уделил внимание исследователь А. Shioya (Shioya, 2014).

В свою очередь торговлю в Киргизской степи рассматривали В.А. Булгарова, В.В. Барабаш, В.Л. Музыкант и К.Е. Касумалиева (Bulgarova et al., 2020). И.А. Ермачков с группой авторов исследовали рабство в Центральной Азии и выявили его природу и проявления (Ermachkov et al., 2021). К аналогичной теме обратилась и Ф. Тижиева (Tojjeva, 2020). Внешнеполитическим аспектам взаимоотношения между Хивой и Бухарой, с одной стороны, и Российской империей – с другой, уделили внимание Ю.А. Лысенко и Ю.М. Гончаров (Lysenko, Goncharov, 2017).

Исследователи обращались не только к истории центральноазиатских ханств, но и к теме анализа заметок кокандского историка о городе Оренбурге в первой четверти XIX века (Tulibayeva, 2018). Вопросам русского протектората над Хивой и Бухарой уделил свое внимание S. Becker (Becker, 1968). К теме дипломатических отношений между Кокандским ханством и империей Цинь обратился С.Т. Кулдашев (Kuldashev, 2020). Также ученые рассматривали такие аспекты, как золотодобыча в Центральной Азии (Turayeva, 2020).

4. Результаты

Уже 11 августа 1839 г. от полковника Поплавского, коменданта крепости Илецкая защита (Пограничная линия) на имя оренбургского военного губернатора поступил рапорт, в котором отмечалось: «Прибывший сего числа к линии при вверенной мне крепости к Подгорному пикету передовой Хивинец Сеит Маметьниязов по доставлении ко мне объявил что из Хивы следуют российские пленные 80 человек на 44 верблюдах и 2-х лошадях под его и товарища хивинца же Ижбая Бабаева препровождением и что сей последней вместе с пленными прибудет к линии у Подгорного пикета 13 или 14 числа сего месяца.

Имея честь о сем донести Вашему Превосходительству я покорнейше прошу удостоить меня Вашим предписанием как мне поступить по прибытии выше изъясненного Хивинца с русскими пленными к вверенной мне линии, прибывшего же передового хивинца

Маметьниязова я вместе с сим отправил в Оренбургскую Пограничную Комиссию на её распоряжение» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1-10б.).

В Оренбург рапорт был доставлен 12 августа, и тут же на него была дана следующая резолюция: «№967. Августа 1839. Г. Коменданту крепости Илецкой Защиты.

В разрешении рапорта Вашего от 11 Августа за №912, предписываемо Вашему Высокоблагородию, по прибытии к линии Хивинца Ижбая Бабаева следуемого из Хивы с Русскими пленниками задержать в крепости Илецкой Защиты; дальнейшее же о них распоряжение и доставлении сюда Русских, последует от г. Председателя Оренг. Погр. Комиссии, которому от меня дали об этом приказание» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 2).

Караван прибыл к крепости на пограничную линию 13 августа 1839 г. Комендант крепости полковник Поплавский незамедлительно написал об этом рапорт на имя военного губернатора В.А. Перовского (Рис. 1): «Управление Оренбургского Военного Губернатора и Командира Отдельного Оренбургского корпуса. Канцелярия часть пограничная 13 Августа 1839 г. №926.

Господину Оренбургскому Военному Губернатору.

Коменданта Крепости Илецкой Защиты Полковника Поплавского.

Рапорт.

В дополнение рапорта моего Вашему Превосходительству от 11 сего августа за №912, имею честь донести, что Хивинец Ижбай Бабаев с русскими пленными 80-ю человеками, сего числа в 5 часов утра к линии прибыл и помещен мною в кордонном лагере в вверенной мне крепости вместе с пленными; Но так как сам Бабаев мне объявил, что более у него для пленных продовольствия уже никакого не имеется, то я немедленно сделал распоряжение, об отпуске пленным, по полуфунту мяса по 3 фунта хлеба и круп.

При чем имею честь представить Вашему Превосходительству составленный мною имянный список, помянутым русским пленным, с объяснением лет им от роду, из какого они состояния и из каких мест. Полковник Поплавский» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 3-30б.). Помимо списка пленников, была передана и грамота хивинского хана Алла-Кула на татарском языке. Грамоту перевел титулярный советник Иванов. Мы считаем важным представить и текст грамоты, так как по содержанию этого послания будет происходить дальнейшая переписка.

Рис. 1. Военный губернатор В.А. Перовский

Текст грамоты: «Во имя всевышнего и всеблагого Бога. Нет другого божества кроме единого Бога и другого Пророка, кроме Мухаммеда /стих из Алкорана/.

Всепочтенному и Всемиловитому, в великолепии Уподобляющемуся Джемшиду, в силе и могуществе Афросьябу, Средоточию Христианской славы, правосудия и могущества, Великому Российскому Государю Императору да будет ведомо, что купеческое сословие, для распространения между людьми всякого рода обилия, странствует по разным Государствам, Городам, Крепостям и местечкам. С этою целью особенно жители сего знаменитого города с давних времен до ныне ежегодно при добром расположении посещали Россию. Теперь же, во времена, знаменующиеся радостью, порядок этот изменился: купцы Хивинские задержаны, и освобождение их зависит от высылки из Хивы Русских пленных, которые несколько уже раз и были отсылаемы в Россию; но из того никакого полезного следствия не оказалось. Известно, что войско как самой Царствующей Хивинской Державы /да охранит её Господь от бед и напастей/, так и окрестных подвластных ей народов никаких воинственных признаков, набегов и нападений на Россию никогда не оказывало. Что же касается до некоторого числа пленников, недавно захваченных Киргизами и Туркменами; то мы, получивши из них к себе часть, и присоединив к ней прежде бывших у нас всех Русских пленных, отправили всех их с Ишнияз Баем к Вам. Если какая-либо часть, или половина их осталась еще здесь, и мы о том узнаем; то отыскав таковых, опять препроводим. Так как Русские пленные находятся не в одном только Хорезмском Государстве, средоточии Правверия, но и в других владениях: то Вы сами и требуйте их от тех владельцев. Обязанность же наша состоит в том, чтобы напоминать Вашему пресветлому сердцу дабы наши купцы были освобождены с вашей стороны, а Русские пленные с нашей, так чтобы покончить это дело на таком условии, основание которого, утвердись на не лицепрятном дружестве и чистосердечной приязни, осталось бы не нарушимо в настоящей и будущей жизни. Тогда взаимные сношения между двух Государств к общей пользе того и другого достигли бы желаемого совершенства: мы дружили бы Вашим друзьям, а Вы нашим; мы враждовали бы с вашими врагами, а вы с нашими. С этим чистым желанием мы отправили к изобилующей радостью особе Вашей упомянутого Ишниязбая. Остальные слова наши изъяснит он изустно. Сие приятное письмо написано для означения дружбы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 8-10).

Получение грамоты хивинского хана Алла-Кула, адресованной русскому императору Николаю I, требовало донесения об этом в Санкт-Петербург. 21 августа военный губернатор В.А. Перовский направляет грамоту со своим сопроводительным письмом вице-канцлеру графу К.Ф. Нессельроде (Рисунок 2).

Рис. 2. Вице-канцлер России граф К.В. Нессельроде

В письме генерал Перовский отмечал: «Отношение Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского вице-канцлеру графу Нессельроде от 21 августа 1839 года за №142.

Милостивый Государь,
Граф Карл Васильевич!

На днях прибыли сюда два посланца Хивинские, с письмом от Хана Алла-Кула и с восьмьюдесятью Русскими пленниками: количество довольно значительное, но все еще ничтожное в сравнении с числом оставшихся в неволе. Письмо, которое имею честь приложить в подлиннике и в переводе, было зашито в ящике и по рассмотрении оказалось написанным на Высочайшее Государя Императора имя. Содержание письма, как Ваше Сиятельство сами усмотреть изволите, по обыкновению, ничтожно и заключается в одном только напыщенном пустословии. Замечательно в письме этом только одно: собственное признание Хана, что он получает от хищников морских свою условленную долю. Признание это сделано здесь без сомнения только по глупости, потому что в нем не было никакой нужды; но не менее того, оно довольно важно.

По всему видно, что отряды, выдвинутые ныне довольно далеко в степь, возбудили опасения Хана Хивы, и что он снова пытается кончить дело присылкою 80-ти человек, как прежде думал отделаться присылкою 25-ти. При таких обстоятельствах, я поступил, как полагаю, согласно с видами Вашего Сиятельства, объявив присланным Хивинцам, что они, на основании прежних объявлений, Ханскими посланцами признаны быть не могут, и дал им письменное объявление, не относящееся ни к какому лицу, где в общих выражениях повторено все то, что было говорено Хивинскому Хану уже столько раз прежде. Между тем однако же, как все возвратившиеся пленники единогласно показали, что один из так называемых послов этих приобрел от хищников в самый день отбытия своего из Хивы нескольких пленников Русских и оставил их у себя для работы, то я, соображаясь с прежними, одобренными Вами, Милостивый Государь, действиями своими, решился задержать этого посланца, а другого отпустил обратно. Бесстыдство и дерзость Хивинцев тем удивительнее, что они в течение нынешнего года, после двух спокойных лет, захватили по крайней мере вдвое более промышленников с Каспийского моря, чем выслали ныне пленников, из коих 37 человек взяты в течение нынешнего лета, а 43 в прежние годы. Все они снабжены будут всем необходимым и потом отправлены в те места, куда принадлежат.

Имея честь сообщить Вашему Сиятельству сведения сии, я прошу Вас, Милостивый Государь, покорнейше принять уверение в отличном почтении и совершенной преданности моей» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 12-13).

Пока губернатор ожидал ответа из Санкт-Петербурга, пленники прибыли в Оренбург. О том, как встречало пленников население города и в 1837 г., и 1839 г., мы можем узнать из специально подготовленной для этого заметки, которую предполагалось опубликовать в одной из центральных российских газет.

Статья для помещения в публичных ведомостях: «Оренбург. Слишком сто лет прошло с основания и первоначального заселения Оренбургской линии и в новосозданном Русском краю этом устройство, образование и самое заселение с году на год подвигалось вперед, несмотря ни на какие препятствия. Устроилась линия, почти в две тысячи верст длиною, прилегающая по рубежу унылой и пустынной степи, как скалистый берег необозримого взморья – и кочующие, хищные толпы дикарей, отряжаются день и ночь от этого рубежа, кои волны морские от наместях берегов своих; образовались казачьи войска, населившие все протяжение линии и служащие они о том юговосточных пределов нашей Империи; переселенцы из двадцати малоземельных Губерний России и Украины, перешли в край, обитаемый доселе одними инородцами, живут Русь, ее язык, нравы, обычаи, веру и по вере. Целые племена и народы вступили с нами в братство, им дано управление и устройство; рудные богатства Урала и караванная торговля со Средней Азией привлекли тысячи промышленников: словам здесь почти в глазах наших целая страна, целый край возник из ничтожества и превратился в одну из существенных частей России.

Одним из главных препятствий в торговле и в рыбных и тюленьих промыслах Каспийского моря, была до селе Хива – самая грубая и неподвластная из всех областей Средней Азии, которая живет только разбоем и хищничеством, между тем как поля и сады ее обрабатываются руками рабов, несчастных Христиан и Шиитов, которых судьба продала в руки зверского и корыстного хищника. Изредка только удавалось иному счастливцу спастись от причиненного насилия и рабства удачным по благам; остальные умирают, под гнетом тяжелой работы при недостатке в здоровой пище и бесчеловечном обращении,

в неволе и на чужбины. Им нет свободы, или по крайней мере не было доселе ни выкупу, ни возврату: тому положительно противилась политика и изуверство Хивинцев.

В 1837-м году возвращены были Хивою, в первый раз со времени существования ее, 25 челов. русских пленников. Само собою разумеется, что эти бедняки обязаны были нашему благодушному Правительству за свою свободу. Пленники прибыли в Оренбург 18-го Ноября день в лету их Оренбургского края достопамятный вместе с бухарским караваном, к которому примкнули на пути Хивинские посланцы. Весь город встретил выходцев наших за меновым двором; Священство вышло с пристани, окропило возвращенных пастве своей сынов св. водою и отпустило молебен. Глядя на эту пеструю, праздничную толпу, с лицами выразившими в нашей черте, что здесь дается что-нибудь необыкновенное, не слыханное и невиданное, глядя на крест и налож и горящие перед ним, среди обширной, необъятной степи, свечи – а потом еще на земляков наших, в азиатской одежде и на заплаканных перед крестом нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света, эту несметную толпу с лицами на какое возвращается участие, радость, сострадание, благодарность – все то мы видели, но видели словно во сне, в минутной живой картине. В числе пленников этих был один, который не молился перед распятием уже 55 лет, потому что 55 лет был в плену... слишком только прошло, и первая горячая молитва за Царя; благо Царю тому и благо подданству!

Купечество угостило в то время вновь народившихся на свет земляков своих, тут же под открытым небом, в особо приготовленной кибитке, от дома, к которому трех хилых старцев понесли на руках: третий ходил, подпираясь палкой, на своих ногах, хотя ему было 120 лет!

В Августе месяце нынешнего года, Хива выслала еще 80 человек. Эти большею частью астраханские промышленники, плененные на море, во время рыболовства. Есть между ними несколько солдат и казаков и есть между прочем Черноморский казак, который взят в плен Персианами, под Эриванью, продан в Астрабад, а оттуда Туркменам и наконец в Хиву.

Г. Оренбургский Военный Губернатор угостил возвращенных родине выходцев у себя в саду обедом; это было 22-го Августа, в день коронования Их Императорских Величеств; обед был дан в той же самой колоннаде, которая выстроена была в степи, за меновым двором, для праздника, данного во время бытности здесь Государя Цесаревича, наследника, а в последствии перенесена в Губернаторский сад. Отец Стефан служил перед обедом и несколько простых, назидательных и благодарственных слов, прочел молитву, пленники сели за стол, перекрестившись на Русской земле и когда им налили по стакану вина, встали, и при музыке: Боже Царя храни, прокричали Ура, и выпили за здоровье Государя Императора и всего Царственного Дома. Во время обеда весь Генералитет, Г.Г. Штаб и обер-офицеры и множество зрителей рассказывали между рядами гостей и спрашивали то того, то другого. Прислужники обносили мед и пиво; в заключение пленники были дарены довольно богато и между прочим здешнее Русское купечество раздало им тут же по три рубля серебром. Во время того празднества, многие из пленников всхлипывали и едва сдерживались от рыданий; другие горько плакали и молились вслух за здоровье Государя Императора (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 122-123об).

Эта статья была направлена 3 сентября 1839 г. Льву Григорьевичу Сенявину – товарищу министра иностранных дел, сенатору, члену Государственного совета с просьбой от генерала Перовского разместить ее в «Северной Пчеле» или в «Московских ведомостях» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 124).

6 сентября генерал Перовский направляет рапорт и военному министру Российской империи, в котором отмечает: «В 1837-м году я имел честь донести Вашему Сиятельству о прибывших в Оренбург из Хивы 25-ти Русских пленниках. Присылка людей этих последовала, как Вам Л.Г. известно, в следствие задержания здесь Хивинских купцов. Хан Хивинский полагает, что уверений его, будто Русских более в Хиве не осталось, будет в этом случае достаточно и что купцы его будут освобождены. Ныне Алла-Кул сделал вторичную, но, конечно, не более удачную попытку, высвободить подданных своих, прислав еще 80 человек Русских. Почти половина их захвачена хищниками только в нынешнем году на Каспийском море. Присылка пленников явным образом была следствием основания при урочище Чушко-Куль и на Эмбе складочного становища, для известного Вам Л.Г. предприятия, почему и считаю долгом о происшествии этом Вашему Сиятельству донести» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 133-133об.).

Наконец 12 октября 1839 г. в Оренбург поступает письмо от министра иностранных дел Нессельроде: «Милостивый Государь, Василий Алексеевич!

Отношение Вашего Превосходительства от 21 Августа, коим сообщаете о возвращении Хивинцами 80 человек Русских пленных, с препровождением при оном грамоты от Хана Хивинского, я имел честь получить и поспешил довести до сведения Государя Императора.

Ныне в ответ на сие долгом поставляю Вас, Милостивый Государь, уведомить, что распоряжения, учиненные Вами в последствие таковой присылки от Хана пленных и грамоты с Посланцами, удостоено вполне Высочайшего Его Императорского Величества одобрения.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Подпись: Нессельроде С. Петербург. №2533. 29 Сентября 1839-го. Его Превосходительству В.А. Перовскому (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 180).

Таким образом, переписка о возвращении в Россию 80 русских из хивинского плена в 1839 г. коснулась не только министра иностранных дел и военного министра, но и русского императора Николая I, который, в свою очередь, удостоил работу Перовского одобрением. Нужно отметить, что на протяжении Кавказской войны русские императоры сильно интересовались участью своих подданных пленных на Кавказе, организовывая даже на начальном этапе массовые выкупы пленников (Rajović et al., 2017; Rajović et al., 2018). Участь азиатских пленников в этом отношении была ничем не лучше кавказских.

5. Заключение

В заключении можно отметить, что предпринятая оренбургским губернатором В.А. Перовским уже во второй раз мера задержания хивинских караванов дала свои плоды и на этот раз: на родину было возвращено в 1837-м и в 1839-м гг. в общей сложности 105 русских пленных. Переписка по данному вопросу велась на всех уровнях – от коменданта крепости до информирования русского императора, отчасти причиной этого была грамота хивинского хана, однако более весомой причиной, на наш взгляд, было попечение о судьбе российских подданных.

Литература

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1261-1274.

Rajović et al., 2018 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 153-160.

Geiss, 2003 – Geiss P.G. Pre-tsarist and tsarist Central Asia: Communal commitment and political order in change. London; New York, 2003.

Shioya, 2014 – Shioya A. Povорот and the Khanate of Khiva: A new canal and the birth of ethnic conflict in the Khorazm oasis, 1870s-1890s // *Central Asian Survey*. 2014. 33(2): 232-245.

Bulgarova et al., 2020 – Bulgarova B.A., Barabash V.V., Muzykant V.L., Kasymaliev K.E. The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1093-1100.

Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The slavery in central asia (the first half of the xix century): The nature and manifestations // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 110-117.

Lysenko, Goncharov, 2017 – Lysenko Y.A., Goncharov Y.M. The emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in foreign policy of the Russian Empire: Experience of the frontier modernization // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1480-1487.

Tulibayeva, 2018 – Tulibayeva Z.M. Kokand Historian Hakimkhan's travel notes about orenburg in the first quarter of the 19th century // *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*. 2018. 58(1): 74-81.

Kuldashev, 2020 – Kuldashev S.T. The role of the institute of aqsaqal (Consular) in the diplomatic relations between the kokand khanate and the ching empire (1760-1864) // *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2020. 9(2): 3866-3874.

Tojjeva, 2020 – Tojjeva F. Slavery relations and its sources in Khiva Khanate // *Journal of Critical Reviews*. 2020. 7(12): 211-214.

Turayeva, 2020 – Turayeva S. Review the history of the gold industry in Central Asia (XVI - XIX centuries) // *Journal of Critical Reviews*. 2020. 7(1): 200-202.

Becker, 1968 – Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London; New York, 1968.

References

Becker, 1968 – Becker, S. (1968). Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London; New York.

Bulgarova et al., 2020 – Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymaliev, K.E. (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.

Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The slavery in central asia (the first half of the six century): The nature and manifestations. *Bylye Gody*. 16(1): 110-117.

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

Geiss, 2003 – Geiss, P.G. (2003). Pre-tsarist and tsarist Central Asia: Communal commitment and political order in change. London; New York.

Kuldashev, 2020 – Kuldashev, S.T. (2020). The role of the institute of aqsaqal (Consular) in the diplomatic relations between the kokand khanate and the ching empire (1760–1864). *International Journal of Scientific and Technology Research*. 9(2): 3866-3874.

Lysenko, Goncharov, 2017 – Lysenko, Y.A., Goncharov, Y.M. (2017). The emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in foreign policy of the Russian Empire: Experience of the frontier modernization. *Bylye Gody*. 46(4): 1480-1487.

Rajović et al., 2017 – Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M. (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4): 1261-1274.

Rajović et al., 2018 – Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M. (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1): 153-160.

Shioya, 2014 – Shioya, A. (2014). Povорот and the Khanate of Khiva: A new canal and the birth of ethnic conflict in the Khorazm oasis, 1870s-1890s. *Central Asian Survey*. 33(2): 232-245.

Tojjeva, 2020 – Tojjeva, F. (2020). Slavery relations and its sources in Khiva Khanate. *Journal of Critical Reviews*. 7(12): 211-214.

Tulibayeva, 2018 – Tulibayeva, Z.M. (2018). Kokand Historian Hakimkhan's travel notes about orenburg in the first quarter of the 19th century. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*. 58(1): 74-81.

Turayeva, 2020 – Turayeva, S. (2020). Review the history of the gold industry in Central Asia (XVI – XIX centuries). *Journal of Critical Reviews*. 7(1): 200-202.

Русская официальная переписка о возврате русских пленных из Хивинского ханства в 1839 г.

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, *}

^a Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается русская официальная переписка о возврате русских пленных из Хивинского ханства в 1839 году.

В качестве источников автором были использованы архивные документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация),

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

а именно дело № 4993 «Дело о вывезенных из Хивы 80 русских пленниках в 1839 году». В нем содержится переписка о возвращении русских пленников из Хивинского ханства. Документы впервые вводятся в научный оборот. Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет хронологический метод, который позволил представить официальную русскую переписку в хронологической последовательности. Это в свою очередь позволило обратить внимание и на соседствующие события, например на аналогичные меры по задержанию хивинского каравана в 1837 г.

В заключении автор отмечает, что предпринятая оренбургским губернатором В.А. Перовским уже во второй раз мера задержания хивинских караванов дала свои плоды и в этот раз: на родину было возвращено в 1837-м и в 1839-м гг. в общей сложности 105 русских пленных. Переписка по данному вопросу велась на всех уровнях – от коменданта крепости до информирования русского императора, отчасти причиной этого была грамота хивинского хана, однако более весомой причиной, на наш взгляд, было попечение о судьбе российских подданных.

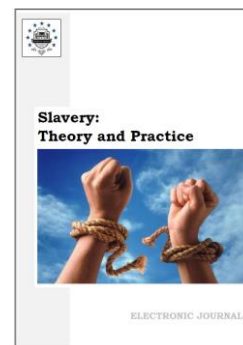
Ключевые слова: Хивинское ханство, Российская империя, возвращение пленников, 1839 г., В.А. Перовский.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 35-41

DOI: 10.13187/slave.2021.1.35
<https://stp.cherkasgu.press>

Slavery in the Ottoman Empire (the first half of the XIX century): on the Status of Monastic Slaves

Anatoliy V. Goncharenko ^{a, *}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

Abstract

The article considers the monastery slaves on the example of the Ottoman Empire in the first half of the 19th century. The attention is paid to the spheres of use of slaves and their wages.

As sources in the work, materials of personal origin were used, namely, the memoirs of T. Lapinsky "The Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians", the memoirs of N.N. Muravyov-Karsky "Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, the Guards General Staff of Captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations". As a source, we also involved the work of Archimandrite Prokofy "Sinai monastery". The work used the historical-comparative method, thanks to which slavery in Egypt was considered in comparison with a similar phenomenon in Central Asia and the Caucasus.

In conclusion, the author states that the example of monastic slaves is a unique phenomenon on the territory of the Ottoman Empire in the first half of the 19th century. Despite the dominant role of Islam in the region, the Orthodox monastery (Sinai Monastery) after the collapse of Byzantium, thanks to economic opportunities, not only survived, but also gained influence on the local Bedouin tribes. The rights of the monastery to the monastery slaves were enshrined in the Ottoman firmans and this allowed the monastery to carry out agricultural activities. For work on agricultural land, the monks paid slaves significant funds, besides this, the slaves received the exclusive right to conduct study tours around the Sinai monastery, as well as food.

Keywords: Egypt, Ottoman Empire, slave trade, monastery slaves, slave markets.

1. Введение

Когда мы говорим о рабстве в Османской империи, то сразу пытаемся ассоциировать это явление с тремя основными категориями зависимых: мужчины-рабы, наложницы, а также рабы и евнухи, используемые в домашнем хозяйстве. Как известно, источников пополнения рабов было два: это военные действия (захват новых пленников) и рождение потомства у рабов. В данной статье речь пойдет о таком редко встречаемом понятии, как монастырские рабы.

2. Материалы и методы

В качестве источников в работе были использованы материалы личного происхождения, а именно воспоминания Т. Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» (Лапинский, 1995) и воспоминания

* Corresponding author

E-mail addresses: a.goncharenko@yur.sumdu.edu.ua (A.V. Goncharenko)

Н.Н. Муравьева-Карсского «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров» (Муравьев-Карсский, 1822). В качестве источника нами привлечена также работа архимандрита Прокофия «Синайская обитель» (Порфирий, 1848).

В работе использованы традиционные принципы исторического исследования: историзма, системности и объективности. Помимо этого, нами был применен историко-сравнительный метод, благодаря которому рабство в Египте было рассмотрено в сравнении с аналогичным явлением в Центральной Азии и на Кавказе.

3. Обсуждение

Историография по теме нашего исследования отличается своей малочисленностью. Среди трудов, рассматривающих одновременно и церковные вопросы, и вопросы рабства, можно назвать работу А.Р. Корсунского «Церковь и рабский вопрос в IV веке» (Корсунский, 2019).

Нужно понимать, что значительная часть рабов Османской империи была завезенной. Массово закупаются рабы, например, из Черкесии. Так, в работе А.А. Черкасова (Cherkasov et al., 2017) делалась попытка рассмотреть «груз» и стоимость живого товара на работорговом судне, которое отправлялось в 1810 г. из Черкесии в Османскую империю. Теме работорговли в Черкесии уделили внимание И.А. Ермачков и др. (Ermachkov, 2020; Ermachkov, 2021), которые обратили внимание на некоторые региональные особенности этого явления.

В 2020 г. А.А. Черкасов опубликовал крупную коллекцию документов о рабстве на территории Черкесии – «Черкесские невольничьи повествования» (Cherkasov, 2020). В результате на основе этих документов Т.А. Магсумов и другие рассмотрели вопросы исхода ногайцев из территории Черкесии (Magsumov et al., 2021). Данная тема свидетельствует о том, что перспектива рабства сильно влияла на миграцию населения, желающего от него спастись. Тему рабовладения и работорговли у ногайцев затрагивала в своем исследовании и А.К. Аджиниязова (Аджиниязова, 2017). Исследователь А.Ю. Перетятко также обратился к теме «Черкесских невольничьих повествований», опубликовав работу «The Experience of Employing the Slave Narrative Genre in Describing the History of the Caucasus» (Peretyatko, 2021).

Если учесть, что невольничьи рынки Черкесии и Центральной Азии были связаны, то мы хотели бы упомянуть и несколько работ о рабстве и работорговле в Центральной Азии. Одной из них является исследование И.А. Ермачкова и других «The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations» (Ermachkov, 2020). Эту же тему затронула в своем исследовании Ф. Тоџиева, рассмотрев данное явление на примере Хивинского ханства (Tojjeva, 2020). К теме рабства в Центральной Азии обращалась и Ю.А. Лысенко в работе «Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries)» (Lysenko, 2018). Понятия «раб» и «рабство» в традиционном казахском праве рассматривала М. Мурзакулова (Myrzakulova, 2015). Институт рабства в феодальном Дагестане и торговля «живым товаром» на Северном Кавказе в XVII – первой половине XIX вв. изучались Е.И. Иноземцевой (Иноземцева, 2014).

В последнее время проводились и историко-сравнительные исследования. Так, М. Шмигель и А.А. Черкасов предприняли попытку сравнения рабства в Черкесии и на территории Соединенных Штатов Америки (Smigel, Cherkasov, 2016).

4. Результаты

В 531 г. от рождества Христова на Синайском полуострове византийский император Юстиниан повелел построить Синайский монастырь (Порфирий, 1848: 171), с этого времени и начинается история этой обители. При строительстве были возведены не только здания, но и стены вокруг обители. Монастырь был построен в горах, у восточной части горы Хорива. В стенах были предусмотрены амбразуры для лучников. Главным храмом был храм Преображения Господня. Синайский монастырь имел важное значение в деле распространения христианства, и часто в обитель приходили христианские паломники из Палестины. За свою историю обитель разрушалась дважды: в первый раз в 1312 г. от землетрясения и в 1797 г. от ветхости. Вне всякого сомнения, в развалины обители водворились бы бедуины, если бы каждый раз не поспежала помощь жертвователей из разных уголков христианского мира.

В первой половине XIX века Синайский монастырь (Рис. 1) продолжал свою работу по приюту паломников, благодаря пожертвованиям монастырь оказывал продовольственную помощь и местному бедуинскому населению.

Рис. 1. Синайский монастырь (1860 г.)

Экономическое благополучие Синайского монастыря зиждилось на собственности монастыря, среди которой были имения и подворья. Вот лишь некоторые из них: на Синайском полуострове – рядом с монастырем большой сад с плодовыми деревьями, еще один сад между горой Хорива и Екатерининской горой и большие финиковые сады около селения Раифы. В Египте – в Каире монастырю принадлежали 27 домов с лавками, которые сдавались внаем (приобретены благодаря духовным завещаниям христиан). Собственность монастыря была в Индии, Сирии, Малой Азии, на островах Средиземного моря и в Европе, что позволило монастырю не только сохраниться, но и динамично развиваться.

Синайский монастырь был окружен разными арабскими племенами, некоторые из них являлись рабами монастыря, иные – защитниками, а остальные никак не были связаны с ним.

Монастырские рабы назывались джебелъе, они были потомками вlahов и египтян, которые были поселены около монастыря по приказу царя Юстиниана I и с течением времени приняли религию, обычаи и нравы синайских арабов. Лишь немногие из них долго оставались в христианской вере. Известно, что последняя христианка умерла в 1750 г. Монастырские рабы ничем не отличались от других туземцев Синайского полуострова. Численность их составляла до 375 семейств, или 1,5 тыс. человек, вместе с детьми и женщинами (Порфирий, 1848: 203).

Монастырские рабы были разделены следующим образом: тебны – работали в садах около Фарана, бегии – в финиковых садах Раифы, саттлы – в других садах. Два семейства работали в саду в долине эль-Леджа. Все эти семейства получали по 250 пиастров в год, а помимо этого, получали хлеб (Порфирий, 1848: 204).

Шесть–семь рабов были постоянно задействованы на работах в монастыре, но их работа была сменной. Однако самая большая часть монастырских рабов в работе вообще не была задействована, а кочевала около монастыря в горах, проживала в палатках. Когда рабов призывали на помощь для каких-либо работ, тогда им давалась условная плата ячменем. Им же было предоставлено исключительное право водить паломников по священным окрестностям монастыря: за это они получали от монастыря плату ячменем и от паломников несколько пиастров (Порфирий, 1848: 204). Но они никогда не сопровождали паломников ни от Синая до Каира, ни обратно, так как для этого у них не было верблюдов. Данная обязанность по договору исполнялась другими арабами – защитниками монастыря.

Рабы снабжались одеждой на самое продолжительное время; а на каждые два дня они получали питание – черствые хлебцы, величиной менее ладони, испеченные из муки с примесью большей части отрубей. Пайка была следующей: мужчины получали по 5 хлебцев, женщины и юноши – по 3, девицы и дети – по 2 (Порфирий, 1848: 204-205). По примерным оценкам, на рабов в год тратилось монастырем до 50 тонн муки и отрубей. Эта группа монастырских рабов была самой бедной. Многие ее представители были полуголыми, свой рацион питания они дополняли травой и кореньями. Тем не менее они любили монастырь. Когда они видели дикя (настоятеля монастыря), то в знак уважения они целовали его правую ногу.

Важно отметить, что в первой половине XIX века отношение к рабам как на Кавказе, так и в Центральной Азии было в одинаковой мере бесчеловечным. Так, например, Т. Лапинский описывал, что среди пленников в Черкесии было большое количество самоубийц – «(Раб – Авт.) предмет недоверия, презрения и насмешек, едва прикрытый лохмотьями, большую часть года подвергающийся мучительнейшему голоду, продаваемый как скот, он имеет только один выход – покончить свое существование в этих негостеприимных для него горах» (Лапинский, 1995: 146).

Питание рабов в Центральной Азии и Египте было одинаково скудным. Так, Н.Н. Муравьев-Карсский вспоминал, что рацион рабов в Центральной Азии «состоял из хлебного пайка, который невольник получал от хозяина, но, продавая часть его для скопления денег на собственный выкуп и одежду, невольник часто целые дни проводил без пищи или кормился за счет подаяний или воровства» (Муравьев-Карсский, 1822: 128).

Многие вопросы взаимодействия монастыря и его рабов были прописаны: так, в случае нападения других арабов на монастырь 70 рабов были обязаны войти во внутрь и с оружием в руках защищать монастырь (Порфирий, 1848: 204). Однако этого никогда не случалось, так как и магометанское правительство Египта было заинтересовано в работе монастыря в сугубо экономическом аспекте (мало того, что монастырь платил налоги, так еще и давал работу и питание нескольким местным племенам).

Несколько слов скажем и кафирах – защитниках монастыря. Кафирами Синайского монастыря являлись три арабских племени: алейкаты, улад-саиды и аваримы. Алейкаты кочевали в долине Насб и водили свои стада в долины Вата, далеко на Запад от обители. Улад-саиды и аваримы кочевали со своими стадами в долинах Мукаттабской, Фаранской и в соседних с ними, на северо-западе от обители, но ближе к ней. Эти племена были древними племенами на Синайском полуострове. Кафиры, по договорам с Синайским монастырем, обязаны были защищать монастырь с оружием в руках в случае нападения других арабских племен, а также доставлять из Каира (столица Египта) на своих верблюдах за оговоренную плату продовольствие, товары и паломников. Поэтому монастырь отказывался от права держать своих вьючных животных. До 1838 г. кафиры по договору получали от монастыря за доставку каждого ардеба (примерно 9 пудов, или 144 кг) по 25 пиастров (примерно 5 руб. ассигнациями), а также хлеб с похлебкой после привоза вещей. Однако с 1839 г. монастырь стал платить за каждый ардеб по 40 пиастров (8 рублей), а пищи уже не давал (Порфирий, 1848: 206).

С лиц, отправляющихся на Синай и с Синая в Каир, кафиры брали по 150 пиастров за наем одного верблюда в одну сторону. Время никогда не бралось ими в расчет, поэтому паломник или путешественник мог ехать с ними более 10 дней. Однако бедуины всегда рассчитывали на денежный подарок, так называемый бакшиш.

Интересно, что русские паломники, по особому договору монастыря с кафирами, платили им за верблюда только 80 пиастров (Порфирий, 1848: 207).

Регламентирована была и защита чести: так, если кафир или другой туземный араб обидит синайского монаха, то по суду главного шейха он должен был заплатить 25 пиастров, столько же должен был заплатить и монах, если он обидел араба (Порфирий, 1848: 207).

Право на монастырских рабов было прописано фирманами египетских шейхов. В 1831 г. главный синайский шейх Салех пытался подчинить своей власти монастырских рабов и свои требования начал предъявлять в ультимативной форме. Рабы, испугавшись, убежали на гору эль-Тих в 5 днях пути от монастыря на север. Тогда дикей (настоятель монастыря) явился к ним с одним старцем и стал их уговаривать вернуться назад в свои кочевья. Рабы согласились только при одном условии, что египетское начальство поручится в их безопасности и неподчинении никакой другой власти, кроме монастырской. Тогда дикей отправился в Суэц и начальнику города предъявил фирманы, в которых ясно был прописан статус монастырских рабов. Шейх Салех за доставленные неудобства был вынужден заплатить даже пеню (Порфирий, 1848: 208-209).

В 1845 г. дикей монастыря отец Никодим крестил двух монастырских рабов и никто из бедуинов не сообщил об этом египетскому начальству: такова была степень уважения монастырского дикей. Тем не менее более широко распространить христианство дикей также не мог, так как это повлекло бы межплеменные столкновения на религиозной почве и проблемы для монастыря от правительства

5. Заключение

В заключении мы хотели бы отметить, что пример монастырских рабов является уникальным явлением на территории Османской империи в первой половине XIX века. Несмотря на доминирующую роль ислама в регионе, православная обитель (Синайский монастырь) после крушения Византии, благодаря экономическим возможностям, не только сохранилась, но и обрела влияние на местные бедуинские племена. Права монастыря на монастырских рабов были закреплены в османских фирманах, и это позволяло монастырю осуществлять сельскохозяйственную деятельность. За работу на сельскохозяйственных угодьях монахи платили рабам значительные средства, помимо этого, рабы получали исключительное право на проведение ознакомительных экскурсий по окрестностям Синайской обители, а также питание.

Литература

- Иноземцева, 2014 – Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала, 2014. 298 с.
- Корсунский, 2019 – Корсунский А.Р. Церковь и рабский вопрос в IV веке // *Средние века*. 2019. № 80(4). С. 32-59.
- Лапинский, 1995 – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. 464 с.
- Муравьев-Карсский, 1822 – Муравьев-Карсский Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Москва, 1822.
- Порфирий, 1848 – Порфирий Архим. Синайская обитель // *Журнал министерства народного просвещения*. 1848. № 60. С. 171-210.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th century. // *ANNALES. Ser. hist. sociol.* 2017. 27(4): 854-864.
- Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Ermachkov, 2020 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2464-2470.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 110-117.
- Lysenko, 2018 – Lysenko Y.A. Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries) // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 172-182.

Magsumov et al., 2021 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives” // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 97-109.

Myrzakulova, 2015 – Myrzakulova M. Concept and features of slave and slavery in the traditional Kazakh law // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. 3(4): 99-101.

Peretyatko, 2021 – Peretyatko A.Yu. The Experience of Employing the Slave Narrative Genre in Describing the History of the Caucasus. // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. 66(1): 302–313.

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1182-1197.

Tojjeva, 2020 – Tojjeva F. Slavery relations and its sources in Khiva khanate // *Journal of Critical Reviews*. 2020. 7(12): 211-214.

Аджиниязова, 2017 – Аджиниязова А.К. Рабовладение и работорговля у ногайцев в XVIII – середины XIX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017. № 7(120). С. 175-179.

References

Adzhiniyazova, 2017 – Adzhiniyazova, A.K. (2017). Rabovladenie i rabotorgovlya u nogajcev v XVIII – serediny XIX v. [Slavery and the slave trade among the Nogais in the 18th – mid-19th centuries]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 7(120): 175-179. [in Russian]

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th century. *ANNALES. Ser. hist. sociol.* 27(4): 854-864.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266. [in Russian]

Ermachkov, 2020 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2020). Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 58(4): 2464-2470.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody*. 16(1): 110-117.

Inozemceva, 2014 – Inozemceva, E.I. (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii [The institution of slavery in feudal Dagestan. Essays on history]. Mahachkala, 298 p. [in Russian]

Korsunskij, 2019 – Korsunskij, A.R. (2019). Cerkov' i rabskij vopros v IV veke [Church and the slave question in the 4th century]. *Srednie veka*. 80(4): 32-59. [in Russian]

Lapinskii, 1995 – Lapinskii, T. (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The highlanders of the Caucasus and their struggle for freedom against the Russians]. *Nal'chik*, 464 p. [in Russian]

Lysenko, 2018 – Lysenko, Y.A. (2018). Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries). *Bylye Gody*. 47(1): 172-182.

Magsumov et al., 2021 – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2021). The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives”. *Bylye Gody*. 16(1): 97-109.

Murav'ev-Karsskii, 1822 – Murav'ev-Karsskii, N.N. (1822). Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeiskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, by the Guards General Staff of Captain Nikolay Muravyov, who was sent to these countries for negotiations]. Moskva. [in Russian]

Myrzakulova, 2015 – Myrzakulova, M. (2015). Concept and features of slave and slavery in the traditional Kazakh law. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 3(4): 99-101.

Peretyatko, 2021 – Peretyatko, A.Yu. (2021). The Experience of Employing the Slave Narrative Genre in Describing the History of the Caucasus. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 66(1): 302-313.

Porfirij, 1848 – *Porfirij Arhim* (1848). Sinajskaya obitel' [Sinai monastery]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 60:171-210. [in Russian]

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel, M., Cherkasov, A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

Tojjeva, 2020 – *Tojjeva, F.* (2020). Slavery relations and its sources in Khiva khanate. *Journal of Critical Reviews*. 7(12): 211-214.

Рабство в Османской империи (первая половина XIX века): к вопросу о статусе монастырских рабов

Анатолий Владимирович Гончаренко ^{а, *}

^а Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Аннотация. В работе рассматривается жизнь монастырских рабов на примере Османской империи в первой половине XIX века. Уделено внимание сферам применения рабов и их оплаты труда.

В качестве источников в работе были использованы материалы личного происхождения, а именно воспоминания Т. Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских», воспоминания Н.Н. Муравьева-Карского «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров». В качестве источника нами привлечена также работа архимандрита Прокофия «Синайская обитель». В работе был применен историко-сравнительный метод, благодаря которому рабство в Египте было рассмотрено в сравнении с аналогичным явлением в Центральной Азии и на Кавказе.

В заключении автор отмечает, что пример монастырских рабов является уникальным явлением на территории Османской империи в первой половине XIX веке. Несмотря на доминирующую роль ислама в регионе, православная обитель (Синайский монастырь) после крушения Византии, благодаря экономическим возможностям, не только сохранилась, но и обрела влияние на местные бедуинские племена. Права монастыря на монастырских рабов были закреплены в османских фирманах, и это позволяло монастырю осуществлять сельскохозяйственную деятельность. За работу на сельскохозяйственных угодьях монахи платили рабам значительные средства, помимо этого, рабы получали исключительное право на проведение ознакомительных экскурсий по окрестностям Синайской обители, а также питание.

Ключевые слова: Египет, Османская империя, работорговля, монастырские рабы, невольничьи рынки.

* Корреспондирующий автор

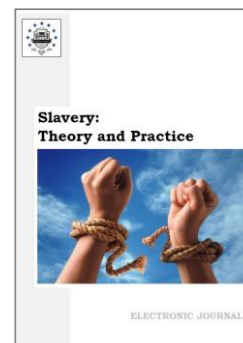
Адреса электронной почты: a.goncharenko@yur.sumdu.edu.ua (А.В. Гончаренко)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 42-53

DOI: 10.13187/slave.2021.1.42
<https://stp.cherkasgu.press>

The First Artistic Experience of Comprehending the Issue of Female Sexual Slavery in Specific Don Cossack Literature: the Store «Bulavin's Grave Sin» by N.I. Krasnov (1884)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}, Maria A. Selezneva ^c

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article focuses on the first artistic experience of comprehending the issue of female sexual slavery in specific Don cossack literature, particularly in the store «Bulavin's grave sin» published in 1884. Being compared with the status of the Don social thought, the story shows that N.I. Krasnov's ideas of sexual slavery reflects the other Don author's vision. On the one hand, the gravity of classical slavery and serfdom was underestimated in Don historiography (except for P.P. Sakharov); on the other hand, sympathy for women and a call for defending their rights are typical for many Don texts of the late 19th and the early 20th century. Therefore, a N.I. Krasnov's philippic pathos is aimed not at classical female sexual slavery, but at any form of women's subordination. A Turkish's harem into a narrative is described as a more convenient place for a heroine than the house where she lives with her legal husband. Krasnov defines the status of free women on the Don in 17th century as «slave subordination», and he also shows that the proud and freedom-loving main heroine does not belong neither in Turkish word, nor in Russian one. Krasnov has shown, even though in slightly naïve form, immorality of female objectivization and depriving women of their right for feelings. The Krasnov's story deserves attention as the first work of literature about sexual slavery and also as an original reaction to this slavery from the liberal author who has been in times of serfdom and who was quite tolerant to it.

Keywords: female sexual slavery, fiction, gender inequality, male gaze at the status of women.

1. Введение

История специфической донской казачьей дореволюционной литературы до настоящего времени не привлекала внимания ни историков, ни филологов. Между тем литературное творчество донских авторов представляло собой достаточно любопытный феномен, связанный с попытками сконструировать собственную культурную идентичность. В 1918 г. группой казачьих интеллектуалов была даже опубликована «Донская хрестоматия» для народных школ (*Донская хрестоматия, 1918*). Издание было официальным: оно выходило под эгидой Всевеликого Войска Донского, а в число редакторов-составителей

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko),
Maria.Selezneva@student.msu.ru (M.A. Selezneva)

входили бывший член Государственной Думы А.И. Перовский и основатель Новочеркасского музея донского казачества Х.И. Попов ([Донская хрестоматия, 1918: без страницы](#)). Содержание книги, до сих пор специально не проанализированное, было крайне разнообразным, поскольку составители хотели и подчеркнуть принадлежность казачества к России, и познакомить юного читателя с «отличительными особенностями, выделяющими Донское войско от других частей Российского государства» ([Донская хрестоматия, 1918: без страницы](#)). Соответственно, в хрестоматии отдельными разделами были представлены и произведения русских писателей о казаках, и произведения донских авторов, и научные работы о прошлом казачества ([Донская хрестоматия, 1918: I-V](#)).

Большая часть тех ученых и литераторов, тексты которых были опубликованы в «Донской хрестоматии», в настоящее время забыта. Так, самым представленным в ней донским поэтом являлся А.А. Леонов (13 – из 61 стихотворения донских авторов, вошедших в сборник), донским историческим автором – Н.И. Краснов (3 исторических отрывка из 19), а в разделе донской прозы больше всего было произведений Ф.Д. Крюкова и И.А. Родионова (по 3 отрывка из 20) ([Донская хрестоматия, 1918: II-V](#)). Из них современной широкой публике известен, с оговорками, только Ф.Д. Крюков, которого еще в 1930 гг. назвали возможным создателем «Тихого Дона». Вероятно, забвение донской казачьей дореволюционной литературы связано с ее сравнительно невысоким художественным уровнем. Однако в плане культурном, как первый пласт авторского художественного творчества казаков о казаках, донская дореволюционная художественная литература представляет собой важнейший и недооцененный источник.

Например, в 1911 г. группа донских авторов вообще предстала перед судом (так называемое «дело донских литераторов») ([Корниенко, 2013: 45](#)). Их приговорили к различным (правда, не слишком длительным – не более года) срокам лишения свободы за незаконное распространение второго выпуска «Донского литературного сборника», содержавшего спорные художественные произведения, преимущественно об истории и текущем положении казачества ([Дело донских литераторов, 1911](#)). В судебном постановлении к числу недопустимых текстов отнесли, например, стихотворение «Иван-Чига», в котором сообщалось, будто бы «со времен атамана графа Платова центр казачества был перенесен в неудобный в географическом отношении Новочеркасск, устье Дона забрали иногородние, «все у нас отвоевали и у них уже казак стал работник и батрак», Екатерина оценила армянина выше верных казаков «и казацкой войсковой наделила их землей, чтоб народ армянский рос и Донцам сел на нос» ([Дело донских литераторов, 1911](#)). Нам удалось установить, что даже некоторые стихотворения второго выпуска «Донского литературного сборника», не привлекая внимания суда, в действительности носили одновременно политический, исторический и острокритический по отношению к имперской администрации характер. Например, басня Е.П. Савельева «Волк на воеводстве» в действительности представляла собой стихотворный памфлет против бывшего донского атамана князя Н.И. Святополк-Мирского ([Перетяцько, 2021: 154-171](#)).

Важно отметить и то, что Е.П. Савельев, один из осужденных по «делу донских литераторов», был активнейшим деятелем казачьего национализма начала XX в. ([Корниенко, 2013: 45](#)). Его исследования о прошлом донских казаков, хотя и крайне сомнительны с исторической точки зрения, до сих пор изучаются как памятники донской общественной мысли ([Стегленко, 2016: 66-69](#)). И подобная ситуация, когда в качестве литератора-любителя выступал значимый общественный деятель, ученый или чиновник, для донской дореволюционной литературы была крайне характерна. Так, в «Донской хрестоматии» оказались представлены стихи крупнейшего казачьего историка В.Д. Сухорукова ([Донская хрестоматия, 1918: 123-125](#)); стихи казака-эмигранта, генерала северян во время Гражданской войны в США И.В. Турчанинова ([Донская хрестоматия, 1918: 125](#)); очерк о любимом учителе бывшего депутата Государственной Думы А.И. Петровского ([Донская хрестоматия, 1918: 279-282](#)); описание редких растений известного ботаника и географа А.Н. Краснова ([Донская хрестоматия, 1918: 271-274](#)). Таким образом, литературное творчество одиозного П.Н. Краснова, донского атамана, военного преступника и плодовитого литератора, в полной мере соответствовало специфической донской литературной традиции, в рамках которой писательство часто становилось способом

выражения общественно-политических воззрений. Кстати, в «Донскую хрестоматию» вошли и два отрывка из произведений П.Н. Краснова ([Донская хрестоматия, 1918: 258-263](#)).

К числу важнейших авторов специфической казачьей литературной традиции относился и отец П.Н. Краснова, Н.И. Краснов. Как мы уже отметили выше, в «Донской хрестоматии» он оказался наиболее представленным в историческом разделе казачьим автором (из авторов русских столько же отрывков, правда, заметно более значительных по объему, было у знаменитого историографа Кавказской войны В.А. Потто ([Донская хрестоматия, 1918: V](#))). И именно Н.И. Краснов попытался расширить проблематику донской казачьей литературы смелым для того времени сюжетом о женском сексуальном рабстве. Главной героиней его рассказа «Тяжкий грех Булавина» является захваченная в турецкий гарем черкешенка Нина. Как нам представляется, данный текст заслуживает особого внимания если не с точки зрения его литературных достоинств, то как памятник донской общественной мысли XIX в., посвященный двум проблемам, не утратившим значения до сих пор: насильственному захвату в рабство и неравенству мужчин и женщин. Как нам представляется, интересно проанализировать обращение значимого казачьего автора к этим проблемам в рамках художественного нарратива, с одной стороны, эмоционально окрашенного, а с другой – позволяющего судить об авторском отношении к рабству не только по прямым высказываниям, но и по различным художественным деталям описания жизни в гареме. И в нижеследующей статье мы хотим как раз показать, каким Н.И. Краснов показал женское сексуальное рабство в своем рассказе.

2. Материалы и методы

Главным источником для нашего исследования стал сам рассказ «Тяжкий грех Булавина», вышедший отдельным изданием в Новочеркасске в 1884 г. ([Краснов, 1884](#)). Здесь следует отметить, что в «Донской хрестоматии» тексты Н.И. Краснова не случайно были отнесены не к прозе донских писателей, а к историческому разделу. Согласно единственной известной нам статье о Н.И. Краснове-литераторе, опубликованной в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917», «стремление Краснова популяризовать донскую историю, беллетризовать малодокументированные исторические эпизоды проявилось и в немногих художественных произведениях Краснова» ([Русские писатели, 1994: 132](#)). Как мы видим, творчество Н.И. Краснова, подобно творчеству других дореволюционных донских писателей, лежало на границе с наукой и общественной жизнью, и составители «Донской хрестоматии» имели основание отнести тексты казачьего автора не к художественному, а к научно-популярному жанру.

А еще точнее было бы считать творчество Н.И. Краснова исторической публицистикой. Сам он писал в одном из своих нехудожественных текстов: «По поводу исторических исследований Дона нам делают два возражения. Зачем мы пишем историю с известной, предвзятой тенденцией? Зачем мы возводим в ореол казаков, этот тормоз русской общественной мысли? На первое мы ответим, что повествование свое мы не сочиняем и не вдаемся в фантазии, а пишем по документам, и, где можно, ссылаемся на первоклассных историков России; но действительно выбираем периоды, имеющие интерес для нынешнего времени, злобу дня, и лишь на основании прошедшего намечаем, как бы подсказываем будущее» ([Краснов, 1881b: 66](#)). Любимым же историческим периодом Н.И. Краснова было Булавинское восстание и предшествовавшие ему годы. Еще в своих ранних трудах донской автор утверждал, будто бы «донцы всегда стремились к удержанию своей сословности, и единственный факт возмущения в их истории – Булавинский бунт, когда часть казаков решила силою оружия отстаивать свои права и преимущества» ([Краснов, 1864: 210](#)). В позднейшем же творчестве казачий историк и писатель подчеркивал, что «в то время, как Стенька Разин есть тип смелого, способного и даже гениального разбойника-пирата, а Емелька Пугачев является самозванцем, Кондратий Булавин представляет настоящий образчик бунтаря в теперешнем значении этого слова» ([Краснов, 1881a: 77](#)). При этом Н.И. Краснов, с одной стороны, писал, что восстание Булавина «имело за собой некоторое оправдание» в жестокости имперского правительства по отношению к казакам, но, с другой стороны, указывал, что как раз провал восстания хорошо иллюстрирует бесперспективность самой идеи бунта в России ([Краснов, 1881a: 77](#)).

Учитывая подобное осовременивание Н.И. Красновым исторических событий, приближение проблематики Булавинского восстания к проблемам Российской империи второй половины XIX в., а также сравнительную ограниченность сохранившихся источников о вождях восстания, вполне понятно, почему донской автор посвятил многие свои художественные произведения этому периоду. Целый ряд прозаических текстов Н.И. Краснова, самостоятельных, но объединенных общими героями, образует своеобразный цикл, описывающий события 1680–1700 гг. В «Донскую хрестоматию» попали отрывки из самого крупного и традиционного по содержанию из этих текстов – повести «Поиск донского казака Ивана Богатого под Царьград» (*Донская хрестоматия, 1918: 293–305*). Таким образом, «Тяжкий грех Булавина» представляет собой часть более крупного художественного полотна, посвященного проблематике русского бунта. И для того чтобы лучше понять идейное содержание данного рассказа, необходимо рассматривать его в контексте смежных текстов Н.И. Краснова.

Поэтому мы будем опираться также на повесть Н.И. Краснова «Поиск донского казака Ивана Богатого под Царьград». Эта совокупность художественных текстов, обладающих четко выраженным публицистическим пафосом, позволяет с помощью сравнительного метода точнее уяснить отношение Н.И. Краснова к рабству вообще, и к женскому в частности. В то же время, поскольку данные тексты прежде почти не изучались, а «Тяжкий грех Булавина» не исследовался вовсе, мы будем широко применять и описательный метод.

3. Обсуждение

Для донской казачьей дореволюционной литературы значимыми, хотя и не определяющими, были темы рабства (включая сюда крепостное право) и гендерного неравенства. В 1911 молодой казачий историк П.П. Сахаров издал книгу «Белое рабство на Дону», в которой писал о рабстве, захвате и перепродаже пленников как об особенности раннего казачества, не стесняясь делать такие, например, заявления: «Этот пример инстинктов и настроений известного круга расслоившегося казачества не гармонирует, конечно, с известным образом казака-друга свободы и равенства, борца за веру и народность» (*Сахаров, 1911: 8–9*). Соответственно, П.П. Сахаров рассматривал сперва эксплуатацию невольников, а затем крепостничество как темную сторону почти всей истории существования казачества, а других донских авторов обвинял в оправдании и даже апологии рабства. Особенно подробно он критиковал «апологета донских рабовладельцев», журналиста А.А. Карасева, в своих работах по истории донского крестьянства частично оправдывавшего казачье крепостничество его сравнительной мягкостью по сравнению с крепостничеством русским (*Сахаров, 1911: 50*). Однако вскоре после выхода «Белого рабства на Дону» другой донской исследователь, Е.П. Савельев, издал книгу «Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим», в которой снова защищалась мысль о сравнительной мягкости донского крепостничества, и даже утверждалось, что на живущих в станицах крепостных крестьян казаки оказывали положительное влияние «живым примером свободы личности и инициативы своего труда» (*Савельев, 1917: 35*).

Таким образом, для большинства донских общественных деятелей второй половины XIX – начала XX вв. было характерно достаточно терпимое отношение к рабству в широком смысле этого слова, понимая под ним любую форму права собственности одного человека на другого человека. Оно, безусловно, не одобрялось, но и не рассматривалось как нечто, подлежащее безоговорочному осуждению. Безоговорочно и резко осуждались только жестокость и самовластие хозяев: например, даже Е.П. Савельев, оправдывая большинство донских хозяев крепостных, в то же время осуждал немногочисленных богатых помещиков, владевших крестьянами в Миусском и Донецких округах Земли Войска Донского, где «царили такой гнет и произвол, которые памяты и до сих пор старожилам» (*Савельев, 1917: 35*).

Соответственно, у Н.И. Краснова, представителя одного из богатейших и влиятельнейших донских помещичьих родов, родившегося в эпоху крепостного права, рабство как таковое трактуется относительно нейтрально. Его повесть «Поиск донского казака Ивана Богатого под Царьград» посвящена набегу казаков на турецкие владения, набегу, во время которого было освобождено множество невольников, однако эта тема в самом тексте почти не поднимается. Так, когда казаки выбирают цель набега, ни один из них не упоминает о возможном освобождении пленных христиан: всех интересует только

добыча (*Донская хрестоматия, 1918: 294-297*). Само освобождение пленников описывается куда короче и спокойнее, чем военные подвиги казаков: «Казаки брали с собой лишь попадавшиеся под руку ценные вещи или освобождали христианок-невольниц и невольников. Последние, веря в сохранившиеся предания, рассчитывали на возможность подобного набега казаков и сами бежали к морю и садились в казачьи ладьи, заменяя собой убитых и утонувших казаков» (*Донская хрестоматия, 1918: 299*). В дальнейшем тексте упоминаний об освобожденных и их благодарности нет.

События рассказа «Тяжкий грех Булавина» происходят как раз в тот момент, когда казаки Ивана Богатого грабят турецкие предместья Царьграда и освобождают пленников. Однако этот рассказ сюжетно полностью посвящен судьбе пленной девушки-черкешенки, убитой стражем гарема. Тем не менее и в этом рассказе, где очень многочисленны авторские отступления и рассуждения, Н.И. Краснов, касаясь проблематики рабства вообще, ограничился тем, что дословно воспроизвел тот же самый текст о спасении невольников из «Поиска донского казака Ивана Богатого под Царьград» (*Краснов, 1884: 20*). А в финале, оценивая значение этого поиска, донской автор написал следующее: «Поиск Ивана Богатого приносил пользу России нравственным своим влиянием, подняв угасший героический дух древнего донского казачества, и указывал на возможность проявления со стороны рыцарей, представителей удали русского народа, таких неожиданных подвигов, с которыми не может считаться ни стратегия, ни тактика» (*Краснов, 1884: 23*). Как мы видим, ни слова о нравственном значении освобождения многочисленных пленников. Мы еще вернемся к этому сюжету, но пока просто констатируем: пафос осуждения Н.И. Краснова в рассказе «Тяжкий грех Булавина» был направлен не против рабства.

Гораздо более очевидным было негативное отношение ряда донских общественных деятелей к гендерному неравенству. Например, тот же А.А. Карасев, которого П.П. Сахаров обвинял в оправдании крепостничества, в одном из своих газетных очерков с сочувствием изображал женщину, вынужденную заниматься проституцией, чтобы прокормиться (*Станько, Ахмадулин, 2002*). Во втором выпуске «Донского литературного сборника», вышедшего, как мы помним, под редакцией Е.П. Савельева, оппонента П.П. Сахарова, был опубликован рассказ «Женская доля», посвященный «доле бедной истрадавшей женщины, лишенной по какому-то роковому недоразумению законодателем самых простых, естественных прав человека, социального положения в обществе, женщины-матери, равноправной свободной гражданки» (*Донской литературный сборник, 1910: 24-37*).

И в рассказе «Тяжкий грех Булавина» пафос своей обличительной критики Н.И. Краснов сосредотачивал как раз на угнетении женщины, в каких бы формах оно не проявлялось. Собственно говоря, по его мнению, положение «свободной» женщины в казачьем обществе XVII в. могло быть даже хуже, чем в турецком гареме, и это положение Н.И. Краснов прямо называл «рабским подчинением» (*Краснов, 1884: 18*). Донской автор эмоционально писал, что на большей части территории казачьих областей «женщина находилась в полном пренебрежении, несмотря, что нередко наравне с казаками защищала их городки от внезапных набегов татар, ногаев и калмыков» (*Краснов, 1884: 18*). «Встречаясь с казаком на дороге или на улице, женщина – на Дону – обязывалась сходить в сторону, показывая этим почтение и уважение даже казаку в молодом возрасте. Понятно, что, при подобных обычаях, донские казаки усвоили себе понятие, что женщина есть низшее существо, немного умнее домашнего животного», – продолжал он (*Краснов, 1884: 18*). Этому угнетенному положению женщин на территории большей части Войска Донского Н.И. Краснов противопоставлял ситуацию, царившую в тех округах Войска, которые граничили со Слободской Украиной, где «женщина в доме не была в рабском подчинении, напротив, пользовалась свободой и в действительности стала в положение любящей подруги, помощницы мужа» (*Краснов, 1884: 18*).

Данные объяснения необходимы для того, чтобы лучше понять логику характера главной героини и ее поведения в турецком гареме. Рассказ Н.И. Краснова не опирается ни на какие источники, это в полной мере художественная фантазия автора. А Н.И. Краснов не был ни великим писателем, ни выдающимся психологом, и поэтому, взявшись за сложнейшую для мужчины тему женского сексуального рабства, причем описывая ее изнутри, с позиции гаремной одалиски, он не смог добиться даже внешней психологической достоверности. Без учета времени создания и специфики донской общественной мысли

текст Н.И. Краснова дает основания обвинить его автора в своеобразном гротеске и оправдании женского сексуального рабства. Однако на самом деле, при более внимательном анализе рассказа, становится очевидно, что Н.И. Краснов глубоко сочувствует своей героине. И в итоге рассказ «Тяжкий грех Булавина» позволяет взглянуть на женское сексуальное рабство с очень интересной точки зрения: с точки зрения человека либеральных воззрений, глубоко сочувствующего женщинам-рабыням, но при этом не просто сформировавшегося в эпоху крепостного права, но и относительно толерантного к нему.

Итак, кем же была героиня Н.И. Краснова? Нина, княжна-черкешенка, была захвачена донскими казаками при набеge на ее племя и против воли выдана за старшего брата Булавина (Краснов, 1884: 8). Тем не менее в целом у казаков ей жилось неплохо: свекровь стала для нее «приемной матерью», а к самому Булавиному, еще совсем молодому холостому казаку, девушка начала испытывать нежные чувства (Краснов, 1884: 10). Однако казачьи нравы сделали ее жертвой буйного и склонного к рукоприкладству мужа. И турки похитили молодую красавицу, за которой давно следили, как раз когда она бежала от буянящего мужа в дом доброго свекра (Краснов, 1884: 8). В момент нового похищения девушка скорее обрадовалась: «ей пришло на ум, что от ненавистного мужа ее освобождает один из думников, друзей ее отрочества» (Краснов, 1884: 8). Даже осознав, что она угодила в турецкий плен, Нина не слишком опечалилась (Краснов, 1884: 10).

Всю эту предысторию Н.И. Краснов описывает не только с сочувствием, но и с очевидной симпатией к девушке. Она в его описании преподносится как обладательница «врожденной гордости, аристократической осанки, некоторого даже величия» (Краснов, 1884: 11). Муж ее, напротив, охарактеризован как «простой, безграмотный, часто пьяный казак-демократ» (Краснов, 1884: 11). Вообще, судьба Нины трактуется как типичная для черкешенки: женщины этого племени якобы были почтительны и ласковы со своими пленителями не из страха или покорности, но «от привычки видеть своих подруг и родственниц проданными в виде товара поставлявшихся гаремных красавиц» (Краснов, 1884: 9). И в итоге героиню угнетает вовсе не факт рабства, но невозможность быть с любимым, для которого она готова добровольно стать даже наложницей (Краснов, 1884: 10-11). Увы, роман с братом мужа в рамках православной казачьей культуры для Нины был невозможен в любом случае («тяжким грехом» Булавина по ходу рассказа окажутся их единственные объятия), поэтому в итоге девушка легко смирилась со своей участью стать обитательницей гарема, хотя мечтать о любимом не перестала и совершенно не стыдилась этих мыслей, несмотря на их греховность с религиозной точки зрения (Краснов, 1884: 10-11).

Жизнь Нины в гареме тоже описывается Н.И. Красновым весьма своеобразно. Уход донского автора от тем, прямо связанных с принудительным сексом вполне понятен, с учетом времени, когда создавался его текст. Однако Н.И. Краснов в принципе изображает жизнь в гареме достаточно благостно, избегая откровенно некрасивых или болезненных ситуаций. Так, захватывают черкешенку по личному желанию азовского паши, человека пожилого, и желающего заполучить красавицу не для себя, а для стамбульского чиновника, оказывавшего ему протекцию (Краснов, 1884: 9). Соответственно, в Азове Нине отводят «уютную комнату» и дают «прехорошенький черкешский наряд», а затем не мешают за вышиванием мечтать о Булавине (Краснов, 1884: 10). Ее новый владетель, Ассим-паша, охарактеризован автором как «джентльмен в частных сношениях» (Краснов, 1884: 3). Его отношения с Ниной в Стамбуле описаны без детальных подробностей, но в целом он оказывается для девушки даже терпимее мужа. Черкешенка выказывает к нему «невольную холодность» (не сознательный бунт, но нежелание угождать нелюбимому человеку) и позволяет себе «стальной, ледяной взгляд» (Краснов, 1884: 11). Однако если мужа подобное поведение приводило в бешенство, то Ассим-паша, пусть и неохотно, смирился с характером Нины. Более того, от слуг, невзлюбивших черкешенку за гордость, турок требует хотя и следить за пленницей (и казнить на месте за измену), но относиться к ней «вежливо и деликатно» (Краснов, 1884: 11). В итоге в османском гареме девушка «успокоилась» и снова «занялась любимым своим вышиванием» (Краснов, 1884: 11). Единственный раз, когда отношения Нины к турку описываются прямо, оказывается, что это «благодарность за всегдашнюю к ее капризам снисходительность» (Краснов, 1884: 13).

Таким образом, в целом сексуальное рабство в гареме Н.И. Красновым хотя и не одобряется, но описывается достаточно спокойно, как нечто лучшее, чем жизнь

«свободной» женщины во многих казачьих станицах XVII в. Еще более рельефно это видно на примере союзниц Нины по гарему. Самым тяжелым для них является расставание с близкими: наложницы, несмотря на опасность со стороны следящих за ними евнухов, пользуются удобными случаями, чтобы «подать о себе весточку родным и милым сердцу» (Краснов, 1884: 12). Однако, в случае с черкешенками, многие женщины изначально воспитывались для гаремов: «Нравясь своему властителю, законному или незаконному мужу, адыганки получали ценные подарки золотом и драгоценностями и считали своей обязанностью, вкорененной воспитанием, делиться избытком со своими родными» (Краснов, 1884: 9). И из фактических описаний Н.И. Краснова видно, что большинство обитательниц гарема Ассима-паши жили хорошо. «Напрасно думают и пишут, что в подобном курятнике (гареме – Авт.) жилось скверно», – даже заявляет донской писатель в авторской речи (Краснов, 1884: 5). Далее он утверждает еще определеннее: «За исключением немногих, тосковавших по родине, наложницы бывали довольны выпавшей для них долей» (Краснов, 1884: 6). Правда, казачий автор не забывает уточнить, что подобное имело место именно в гареме Ассима-паши, человека порядочного и доброго, и наложницы, понимая это, если и не любили своего господина, то, по крайней мере, подобно Нине «старались ему угодить, чем могли» (Краснов, 1884: 7).

И в основном повествовании, как и в авторских рассуждениях Н.И. Краснова, пафос обличения оказывается направлен не против собственно сексуального рабства в гаремах, но вообще против такого устройства общества, в котором женщина оказывается зависима и бесправна. Интересно отметить, что здесь Н.И. Краснов, далеко не великий писатель (М.Е. Салтыков-Щедрин называл его «литератором-обывателем» (Салтыков-Щедрин, 1864: 7)), попытался использовать любопытный художественный прием. Очень спокойное, объективное описание гарема Ассима-паши как едва ли не лучшего места для женщин в ту эпоху сочетается с резко экспрессивной авторской лексикой, направленной против идеи гарема как такового. Выше мы видели, что Н.И. Краснов именуется этот гарем «курятником». В целом очень благожелательно описанный Ассим-паша именно как владелец гарема называется «петухом-властелином» (Краснов, 1884: 6). А работоторговцы и вовсе удостаиваются наименования «продавцов нежного человеческого мяса» (Краснов, 1884: 6). Кроме того, донской автор подчеркивает, что «неверностью» гаремной наложницы, наказуемой смертной казнью, могла быть не только измена, но и «тоска по родине» или «пренебрежение к ласкам властителя» (Нине в этом отношении явно повезло) (Краснов, 1884: 6). Одалиски не имели даже подобия личных границ: «Двери спален не запирались, и безбородый сатрап мог слышать бред наложницы, затаенный вздох, подметить грустный, печальный взгляд» (Краснов, 1884: 6). И все это в сочетании с объективным описанием гарема Ассима-паши производит очень неоднозначный эффект. Как нам кажется, Н.И. Краснову удалось показать, что положение гаремных наложниц было недопустимым в нормальном обществе не из-за плохого обращения с ними, но из-за того, что женщина в гареме лишалась права свободно выражать – или, точнее, вообще иметь – свои собственные чувства, объективизировалась в качестве инструмента для удовлетворения потребностей «петуха-властелина». В то же время в контексте общества XVII в. подобное сексуальное рабство было нормальным, поскольку права женщины большинством мужчин отрицались в принципе, и роль наложницы в гареме терпимого и доброго Ассима-паши все же давалась гордой и внутренне свободной Нине легче роли официальной жены буйного мужа-казака. Возможно, донской автор осознанно хотел вызвать у читателя ужас перед реальностью, в которой положение женщины было настолько безнадежно, что гарем оказывался предпочтительнее законного брака.

Поведение гаремных девушек, одалисок, тоже было описано Н.И. Красновым как психологически сложное, что вообще-то для его творчества не слишком характерно. Как мы видели выше, одалиски Ассима-паши в целом были вполне довольны своей судьбой и пытались угождать господину. Тем не менее многие из них мечтали о романе на стороне, с мужчиной, который бы действительно им нравился: «Если в действительности случалось мало романтических приключений, то, без сомнения, головка каждой хорошенькой одалиски ими была наполнена гораздо более, чем упражнениями в музыке и танцах» (Краснов, 1884: 7). Донской автор не осуждает подобное двуличие и не указывает случаев открытого бунта гаремных девушек против несправедливого общества. Судя по всему, с его

точки зрения, мечты о романтических приключениях были для одалисок естественным и относительно безопасным способом облегчить свое положение, внешне комфортное, но предполагавшее отказ от свободы собственных чувств. Объективизация девушек, лишение их права на чувства в описании Н.И. Краснова привели только к тому, что даже внешне покорные гаремные одалиски начали внутренне протестовать в единственно доступной им форме. И этот протест донской автор описывал с большей симпатией, чем пустые развлечения одалисок.

В принципе, схожим образом ведет себя и Нина, с тем исключением, что честная и гордая черкешенка неспособна угождать нелюбимому человеку против своей воли: «Она верила в свое предопределение и чего-то постоянно надеялась, но эта тайная надежда в душе ее соединялась с каким-то внутренним, инстинктивным страхом: она шептала молитвы, обращаясь мысленно к Господу Богу, и успокаивалась» (Краснов, 1884: 12). Понятно, что оставшийся на Дону Булавин для Нины – недостижимая мечта, прямое признание в любви к нему обернется для девушки смертной казнью, и ей остается только «сильно, страстно» думать о «многом и многом» (Краснов, 1884: 11). При этом Нина, как будет видно из дальнейшего текста, достаточно смела и готова на многое пойти ради своей мечты, но в гареме Ассима-паши у нее просто нет иного будущего, кроме как продолжать обслуживать своего «петуха-властелина» или умереть.

Ситуацию неожиданно резко меняет сам Ассим-паша, продолжая объективизацию Нины. Дело в том, что его доброта к девушке связана не только с хорошим характером: турок является опытным царедворцем, «экс-министром», и черкешская красавица для него еще и ценный ресурс для подарков (Краснов, 1884: 14). И снова Н.И. Краснов избегает намеренного обострения темы: Ассим решает подарить Нину брату султана, который, по известным черкешенке слухам, «очаровательный юноша» (Краснов, 1884: 12). Прямо реакция Нины на эту новость не описана, но, по словам евнухов, она «встречает известие с радостью» (Краснов, 1884: 12). Интересно, что в тексте вовсе не озвучивается мысль о том, что эта радость могла бы быть связана с надеждой Нины сбежать из менее охраняемого гарема. Представлены только рассуждения Ассима, уверенного, что «честолюбие взяло свое» и гордой черкешенке хочется стать принцессой, а в перспективе и императрицей (Краснов, 1884: 12).

Если до этого момента повествование Н.И. Краснова развивалось очень размеренно и сюжетно, было малонасыщенным (самые важные моменты вообще передавались через косвенную авторскую речь), то после решения отдать Нину брату султана меняется сам стиль текста: теперь это прямое описание событий с многочисленными диалогами. Сначала единственный раз в рассказе прямо описана попытка сексуального насилия со стороны Ассима-паши. Черкешенка готова к отправке в другой гарем, и турок напоследок осматривает ее, причем делает это предельно вежливо, даже снимает с девушки одежду с извинениями (Краснов, 1884: 13). Нина, действительно благодарная доброму хозяину, не удерживается от легкого кокетства (Краснов, 1884: 13). И Ассим-паша, прежде отказавшийся от холодной к нему красавицы, увидев подобный знак внимания с ее стороны, резко изменил свое мнение: «Думая, что Нина, подобно другим наложницам, стала ласковой и приветливой за присланные ей утром дорогие подарки, и, восхитившись ее чудной красотой, Ассим-паша мгновенно, как истый турок и гаремный властелин, вспыхнул неудержимой страстью» (Краснов, 1884: 14). Как мы видим, даже для доброго и гуманного Ассима-паши внимание девушки могло быть только реакцией на подарки, а легкое кокетство и ласковое обращение являлись недвусмысленными выражениями готовности к сексу, т.е. чувства девушки определялись за нее желаниями мужчины. Впрочем, для нарратива Н.И. Краснова характерно, что даже в подобной ситуации Ассим повел себя относительно достойно и чрезмерно романтично: хотя он, истолковав кокетство Нины как внимание к нему, и решил взять ее немедленно, но, понимая гордость княжны, одновременно турок обещал, что распустит остальной гарем, оставит черкешенку единственной женой и уберет следящих за ней евнухов (Краснов, 1884: 14).

Трудно сказать, как конкретно отреагировала бы Нина на подобное предложение, значительно улучшающее ее положение и дающее шанс сбежать (впрочем, турок собирался взять ее в любом случае, а ей самой его объятия были неприятны), но как раз в этот момент на резиденцию Ассима-паши напали казаки Ивана Богатого (Краснов, 1884: 14). И Нина

ощутила не страх, но лихорадочное возбуждение: для девушки одна возможность увидеться с Булавиным была дороже роскошной и комфортной жизни в гареме с любящим турком. «Лишь бы на одно мгновение его, моего ненаглядного Кондратия, увидеть, а там хоть смерть, мне все равно», – подобную мысль черкешенки Н.И. Краснов озвучивает совершенно прямо (Краснов, 1884: 15). Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся, что для Нины тяжело было не рабство как таковое, но невозможность выражать свои чувства к любимому, и она прекрасно понимала бесперспективность своей любви как в османском, так и в русском мире, но была готова хотя бы умереть рядом с Булавиным.

Собственно говоря, дальше происходит именно это. Реализация художественных замыслов Н.И. Краснова часто была не вполне удачной: собственно говоря, уже сцена Ассима с Ниной, хотя и задумывалась эротической, описана довольно безвкусно, с оборотами вроде «грудь, дышащая ароматом здоровья» (Краснов, 1884: 13). Однако замысел финальной сцены с Ниной по-своему красив и символичен. На смену Ассиму-паше, убежавшему защищать свою резиденцию, появляется Булавин, идущий освобождать невольниц (кстати, его мотивация к этому описана как «казацкий обычай», и явного сочувствия к пленницам он не выказывает) (Краснов, 1884: 16). Нина, увидев его, смело и страстно бросается в объятия любимого, признаваясь ему во всем (Краснов, 1884: 16-17). Но, хотя Кондратий и отвечает ей взаимностью, в комнату с разных сторон входят хранители культурных традиций двух миров: евнух – страж гарема и фанатичный старообрядец Игнат Некрасов (Краснов, 1884: 17). Для них происходящее, выражение девушкой свободной любви, равно неприемлемо, хотя и по разным причинам: для евнуха это была измена наложницы Ассаму-паше, а для Некрасова – измена черкешенки мужу с его собственным братом. И евнух, и Некрасов хотели застрелить не замечающих их влюбленных, но турок успел выстрелить из двуствольного пистолета первым, убив Нину и ранив Булавина, после чего суровый воин Некрасов среагировал мгновенно: своим выстрелом он убил наповал не раненого товарища, а евнуха (Краснов, 1884: 17-18).

Эта сцена доводит до логического конца обличительный пафос рассказа Н.И. Краснова. Не желающей предавать свою любовь, Нине нет места в гареме, но нет ей места и в «свободном» казачьем обществе. И освобождение из гарема доброго Ассима-паши оборачивается для девушки смертью. Более того, хотя Некрасов в итоге не рассказывает о свершившемся на его глазах «грехе», казаки демонстрируют полное равнодушие к убитой невольнице, «как будто на диване лежала дохлая кошка» (Краснов, 1884: 20).

4. Заключение

И нам остается констатировать, что, вводя в круг тем дореволюционной казачьей литературы сюжет о женском сексуальном рабстве, Н.И. Краснов в полном соответствии с тенденциями донской общественной мысли сконцентрировал внимание на недопустимости угнетения женщины, а не на аморальности рабства как такового. Более того, гарем Ассима-паши в его рассказе описан скорее позитивно как удобное и комфортное место для большинства женщин. В принципе осуждая саму идею «торговли нежным человеческим мясом», донской писатель показал, что в гареме доброго и терпимого турка героине было лучше, чем в доме законного мужа, тоже взявшего ее силой, но при этом еще и допускаявшего рукоприкладство.

Пафос критики Н.И. Краснова был направлен не на формальное рабство, юридическую принадлежность гаремной невольницы хозяину, но на самое общество, допускающее женское бесправие. Более того, гаремных одалисок донской писатель даже не называет рабынями, зато говорит о «рабском подчинении» женщин в большинстве казачьих станиц. При этом самое рабство Н.И. Краснов описывает довольно мягко, что тоже вообще характерно для донской общественной мысли. Ассиму-паше даже удалось растопить сердце своей гордой пленницы терпимостью к ее капризам, причем растопить не как любовнику (в этом качестве он остается Нине неприятен), но как хорошему, в сущности, человеку. Однако как раз из «Тяжкого греха Булавина» видно, что Н.И. Краснова нельзя обвинить в оправдании рабства. Донской автор фактически выступал за его объективную оценку, показывая, что сравнительно с некоторыми другими формами организации общества формальное рабство было даже предпочтительнее. Но при этом всю жизнь демонстрировавший либеральные взгляды Н.И. Краснов убедительно доказал, что даже

самое мягкое рабство у доброго хозяина ужасно именно отсутствием свободы выбора, невозможностью самостоятельно определять свою судьбу. И описание жестокостей рабства только отвлекло бы от основного пафоса его рассказа. Это тема для отдельного исследования, но просто отметим, что сама свобода Нины осмысливается Н.И. Красновым через категорию любви, а рабство – через категорию, пускай и относительно мягкого, изнасилования. И Нина мечтает пусть даже умереть, но свободной и рядом с любимым, но не жить в комфортном рабстве – и автор ей в этом явно сочувствует.

Важно понимать еще и то, что идея борьбы с угнетением женщин для времени написания рассказа Н.И. Краснова была куда более актуальной, чем идея борьбы с рабством. Донской писатель в очередной раз выступал в своем тексте не столько как художник, сколько как общественный деятель, выбрав тему, «имеющую интерес для нынешнего времени, злобу дня» и «на основании прошедшего наметив, как бы подсказав будущее». В художественном отношении текст Н.И. Краснова, безусловно, слаб, однако он заслуживает внимания и уважения как выражение гражданской позиции. А главная идея донского писателя не устарела и в наши дни: даже формальное рабство у доброго и гуманного хозяина может быть куда менее страшным, чем «рабское подчинение» формально свободной женщины в традиционном обществе.

Литература

[Дело донских литераторов, 1911](https://www.passion-don.org/writer/dov-1911-245.html) – Дело донских литераторов // Старые донские дороги Евграфа Савельева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.passion-don.org/writer/dov-1911-245.html> (дата обращения: 29.08.2021).

[Донская хрестоматия, 1918](#) – Донская хрестоматия. Новочеркасск, 1918. 406 с.

[Донской литературный сборник, 1910](#) – Донской литературный сборник. Вып. II. Новочеркасск, 1910. 272 с.

[Корниенко, 2013](#) – *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.

[Краснов, 1864](#) – *Краснов Н.И.* Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.

[Краснов, 1881a](#) – *Краснов Н.И.* Исторические очерки Дона. От Разина до Булавина // *Русская речь*. 1881. № 1. С. 76-102.

[Краснов, 1881b](#) – *Краснов Н.И.* Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами // *Русская речь*. 1881. № 5. С. 66-93.

[Краснов, 1884](#) – *Краснов Н.И.* Тяжкий грех Булавина. Новочеркасск, 1884. 24 с.

[Перетягко, 2021](#) – *Перетягко А.Ю.* Интерпретация атаманства Н.И. Святополк-Мирского в басне Е.П. Савельева «Волк на воеводстве» // *Новое прошлое / The New Past*. 2021. № 1. С. 154-171.

[Русские писатели, 1994](#) – Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М., 1994. 610 с.

[Савельев, 1917](#) – *Савельев Е.П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск, 1917. 80 с.

[Салтыков-Щедрин, 1864](#) – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Литературные мелочи // *Современник*. 1864. № 5. С. 1-26.

[Сахаров, 1911](#) – *Сахаров П.П.* Белое рабство на Дону. К 50-й годовщине освобождения донских крестьян. Новочеркасск, 1911. 52 с.

[Станько, Ахмадулин, 2002](#) – *Станько А.И., Ахмадулин Е.В.* Зарождение частной прессы на Дону // *Relga*. 2002. №6 (84). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ /WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=134&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 29.08.2021).

[Стегленко, 2016](#) – *Стегленко Е.В.* Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и войска донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 1 (189). С. 66-69.

References

[Delo donskikh literatorov, 1911](https://www.passion-don.org/writer/dov-1911-245.html) – Delo donskikh literatorov [The case of the Don writers] // Old Don roads of Evgraf Savelyev [Electronic resource]. URL: <https://www.passion-don.org/writer/dov-1911-245.html> (date accessed: 29.08.2021) [in Russian].

- [Donskaya khrestomatiya, 1918](#) – Donskaya khrestomatiya [Don chrestomathy]. Novocherkassk, 1918. P. 406. [in Russian]
- [Donskoi literaturnyi sbornik, 1910](#) – Donskoi literaturnyi sbornik [Don literary collection]. Vol. II. Novocherkassk, 1910. P. 272. [in Russian]
- [Korniyenko, 2013](#) – *Korniyenko, B.S.* (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
- [Krasnov, 1864](#) – *Krasnov, N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]
- [Krasnov, 1881a](#) – *Krasnov, N.I.* (1881). Istoricheskie ocherki Dona. Ot Razina do Bulavina [Historical sketches of the Don. From Razin to Bulavin]. *Russkaya rech'*. 1: 76-102. [in Russian]
- [Krasnov, 1881b](#) – *Krasnov, N.I.* (1881). Istoricheskie ocherki Dona. Bor'ba Chernysheva s voiskovymi atamanami [Historical sketches of the Don. Chernyshev's fight against atamans of Don Host]. *Russkaya rech'*. 5: 66-93. [in Russian]
- [Krasnov, 1884](#) – *Krasnov, N.I.* (1884). Tyazhkii grekh Bulavina [Bulavin's grave sin]. Novocherkassk. P. 24. [in Russian]
- [Peretyatko, 2021](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2021). Interpretation of the rule of N.I. Svyatopolk-Mirsky in the fable by E.P. Savelyev “The Wolf in the Voivodeship”. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 154-171. [in Russian]
- [Russkie pisateli, 1994](#) – *Russkie pisateli. 1800-1917* [Russian Writers. 1800-1917.]. Vol. 3. M., 1994. P. 610. [in Russian]
- [Savel'ev, 1917](#) – *Savel'ev, E.P.* (1917). Krest'yanskii vopros na Donu v svyazi s kazach'im [Peasant matter on the Don in relation to Cossack]. Novocherkassk. P. 80. [in Russian]
- [Saltykov-Shchedrin, 1864](#) – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (1864). Literaturnye melochi [Literary trifles]. *Sovremennik*. 5: 1-26. [in Russian]
- [Sakharov, 1911](#) – *Sakharov, P.P.* (1911). Beloe rabstvo na Donu. K 50-i godovshchine osvobodzheniya donskikh krest'yan [White slavery on the Don. To 50th anniversary of the Don peasants' emancipation]. Novocherkassk, 52 p. [in Russian]
- [Stanko, Akhmadulin, 2002](#) – *Stanko, A.I., Akhmadulin, E.V.* (2002). Zarozhdenie chastnoi pressy na Donu [The emergence of a private press on the Don]. *Relga*. 6 (84). [Electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=134&level1=main&level2=articles> (date of access: 29.08.2021). [in Russian]
- [Steglenko, 2016](#) – *Steglenko, E.V.* (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastei i voiska donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Savel'ev on the relationships of Russian government and the Don Host and the incorporation of Cossacks into Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 1(189): 66-69. [in Russian]

Первый опыт осмысления женского сексуального рабства в донской казачьей литературе: рассказ «Тяжкий грех Булавина» Н.И. Краснова (1884)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *} Мария Антоновна Селезнева ^c

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена первой попытке художественного осмысления женского сексуального рабства в специфической донской казачьей литературе (в рассказе «Тяжкий грех Булавина» Н.И. Краснова, опубликованном в 1884 г.). На основе

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko), Maria.Selezneva@student.msu.ru (М.А. Селезнева)

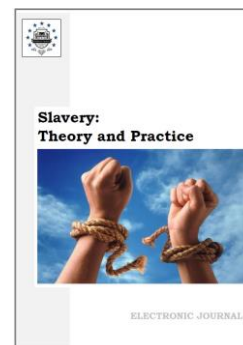
сопоставления текста рассказа с ситуацией в донской общественной мысли показано, что представления Н.И. Краснова о положении женщины в сексуальном рабстве отражали настроения других донских авторов. С одной стороны, тяжесть классического рабства и крепостной зависимости в донской историографии (за исключением П.П. Сахарова) преуменьшалась; с другой стороны, для многих донских текстов конца XIX – начала XX вв. характерны сочувствие к женщинам и призывы бороться за их права. Соответственно, и Н.И. Краснов направляет свой обличительный пафос не против классического женского сексуального рабства в гареме, но против любой формы бесправного подчинения женщины мужчине. В его нарративе гарем турка Ассима-паши описан как более комфортное для героини место, чем дом, где она живет в законном браке с мужем-буяном. Статус свободных женщин на Дону в XVII в. Н.И. Краснов определяет как «рабское подчинение» и показывает, что гордой и свободолюбивой главной героине нет места ни в турецком, ни в русском мире. Пускай и в несколько наивной форме, но Н.И. Краснов показал аморальность объективизации женщин, лишения их права на собственные свободные чувства. Рассказ Н.И. Краснова заслуживает внимания и как первое произведение донской региональной литературы о сексуальном рабстве, и как взгляд на это рабство с оригинальной точки зрения либерального автора, сформировавшегося при крепостном праве и достаточно толерантного к последнему.

Ключевые слова: женское сексуальное рабство, художественная литература, гендерное неравенство, положение женщин глазами мужчин.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 54-57
 DOI: 10.13187/slave.2021.1.54
<https://stp.cherkasgu.press>

In Memory of Vladimir Alexandrovich Zakharov (07.17.1946–01.11.2021)

Dmitry S. Dudarev ^{a,*}

^a LLC "Projects of the Capital", Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the memory of V.A. Zakharov. The area of scientific interests of V.A. Zakharov was very broad. His research is devoted to the history of the Tmutarakan principality, "The Word of Igor's Regiment", the life of M.Yu. Lermontov, the ethno-political history of the Transcaucasian states, the North Caucasus, Abkhazia, Turkey, the history of Western Europe during the Middle Ages and modern times, especially the well-known Order of Malta. V.A. Zakharov is the author of over 1100 articles, 74 books. His articles were published in newspapers, magazines and scientific collections of Russia, Ukraine, Armenia, Bulgaria, Poland, Islamic Republic of Iran, Canada, USA. V.A. Zakharov was known as a public figure. He was a member of the Writers' Union of Russia and the Writers' Union of Armenia, co-chairman of the Russian Lermontov Committee, a member of the International Union of Journalists.

Keywords: Tmutarakan principality, "Word about Igor's regiment", M.Yu. Lermontov, Russian Orthodox Church, Order of Malta.

1 ноября 2021 г. ушел из жизни видный отечественный историк, литературовед, политолог, деятель Русской православной церкви Владимир Александрович Захаров.

В.А. Захаров родился 17 июля 1946 г. в Армавире. Учился в железнодорожной средней школе № 49. Уже с юных лет Владимир Александрович оказался связанным с изучением истории родного города и края. Его путь в науку – пример для нынешних подрастающих поколений армавирцев и кубанцев. С третьего класса В. Захаров был «музейным мальчиком» при Армавирском городском музее. Вместе с известными местными краеведами Б.Л. Выродовым, Н.И. Навротским и приезжавшими в Армавир палеонтологами из Ленинграда (Е.Ф. Кутузкиной) и из Тбилиси (Л.К. Габуния) занимался археологическими и палеонтологическими раскопками в районе Форштадта. Вместе с Б.Л. Выродовым Захаров раскопал в районе «Чертова моста» в Форштадте скелет кита цетотерия (Cetotherium), который обитал на месте нынешнего города Армавира свыше 10 млн лет назад. Еще школьником В. Захаров вел активную переписку с писателем Р.Т. Пересветовым и главным хранителем отдела нумизматики государственного Эрмитажа И.Г. Спасским, по рекомендации которого начал заниматься научной темой «История денежных знаков города Армавира». Тогда же юноша стал заниматься в архиве г. Армавира (ныне Архивный отдел администрации МО Армавир). Дорога молодого человека прямоком лежала в науку.

И, казалось бы, так и было. С 1964 г. В. Захаров обучается на историко-филологическом факультете Ставропольского государственного педагогического института, где судьба свела его с видным историком, профессором В.А. Романовским, память которого

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev324@gmail.com (D.S. Dudarev)

чтут ныне историки СКФУ, и стал его личным секретарем. Но не только с исторической и другими науками была связана жизненная стезя В.А. Захарова. Будучи из церковной семьи, он не утратил этой связи, за что и пострадал. В 1969 г. студента Захарова исключили из вуза за «принадлежность к лицам религиозного объединения». «Компетентные органы» инкриминировали молодому человеку то, что он был тайным иподиаконом архиепископа Ставропольского и Пятигорского Михаила (Чуба) (Священник Александр Гурин, 2021). Случившееся могло сильно поколебать жизненные устои многих, но не В.А. Захарова.

После исключения из института он с трудом устроился на работу рабочим сцены Ставропольского драматического театра, где вскоре стал главным машинистом, проработав 5 лет. Впоследствии Захаров уехал из Ставрополя в Кисловодск. Несколько раз Владимир Александрович встречался с А.И. Солженицыным в Москве в 1972–1973 гг., которому возил письма из Новопятигорска от его крестной матери М. Крамер (Скороглядовой), а от него привозил рукописи не опубликованных в СССР романов Солженицына. В те времена это было очень рискованным занятием, которое могло закончиться долгим тюремным или лагерным сроком. Завершать образование пришлось без отрыва от производства: в 1975 г. В.А. Захаров закончил Московский государственный заочный педагогический институт по специальности – историк.

Поле его плодотворной деятельности надолго стала музейная работа. Владимир Александрович трудился в музеях Пятигорска, Пензы (Тарханы), Краснодарского края (Тамань 1976–1986), Москвы. Он является одним из создателей Дома-музея М.Ю. Лермонтова в Тамани. Вместе с В.Г. Малаховой им был разработан тематико-экспозиционный план нескольких литературных экспозиций. Проведенные Захаровым научные исследования в Краснодарском и Ставропольском госархивах (ГАКК и ГАСК), а также в Военно-историческом архиве (РГВИА), рукописных отделах Пушкинского дома (ИРЛИ) и библиотеки им В.И. Ленина (ныне РНБ) позволили ввести в историю Тамани и в лермонтоведение немало новых страниц. Там, на Тамани, рядом с родителями, В.А. Захаров ныне и похоронен...

Особой областью приложения усилий В.А. Захарова являлось церковное служение. С конца 1970-х гг. он занимался открытием православных храмов. Так, по его инициативе было возобновлено богослужение в храме Покрова (храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве). В 1990–1991 гг. три месяца находился в Свято-Троицком монастыре Русской зарубежной церкви в Джорданвилле (США), преподавал историю России в Джорданвилльской семинарии. С 1993 г. В.А. Захаров работал в отделе по церковной благотворительности и социальному служению Московской патриархии.

В 1995 г. он был приглашен на работу канцлером в миссию Суверенного военного мальтийского ордена при РФ. С 2001 года являлся старшим научным сотрудником Института Европы РАН, с 2005 г. – заместителем директора «Центра Кавказских исследований» МГИМО(У) МИД России, с 2009 года – профессором Пятигорского государственного лингвистического университета. В течение ряда лет В.А. Захаров был президентом Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона им. В.Б. Арцруни (г. Москва).

Область научных интересов В.А. Захарова была весьма широка. Его исследования посвящены истории Тмутараканского княжества, «Слову о полку Игореве», жизни М.Ю. Лермонтова, этнополитической истории закавказских государств, Северного Кавказа, Абхазии, Турции, истории Западной Европы периода Средневековья и Нового времени, особенно широко известного Мальтийского ордена. Особо нужно отметить то, что В.А. Захаров был одним из ведущих и старейших лермонтоведов России. Его многочисленные выступления на научных Всесоюзных и Всероссийских лермонтовских конференциях всегда привлекали внимание своей новизной материала, новыми архивными находками, а 700-страничная книга «Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова» стала настольной книгой всех, кто занимается изучением жизни и творчества великого русского поэта. Многочисленные выступления В.А. Захарова в прессе и на телевидении популяризировали творчество Лермонтова, раскрывая перед новым поколением неизвестные страницы творческой биографии поэта. Владимир Александрович был настоящим кладом знаний из различных областей отечественной и зарубежной истории,

в том числе о прошлом родного города, прекрасным лектором и рассказчиком. В последние годы он был членом редколлегии журнала «Slavery: Theory and Practice».

В.А. Захаров являлся автором более 1100 статей, 74 книг. Его статьи публиковались в газетах, журналах и научных сборниках России, Украины, Армении, Болгарии, Польши, Исламской республики Иран, Канады, США (Прохоров, 1995; Захаров Владимир Александрович, 2002; Владимир Александрович Захаров, 2004; После юбилея, 2015; Библиография..., 2016).

В.А. Захаров был известен как значимый общественный деятель. Он являлся членом Союза писателей России и Союза писателей Армении, сопредседателем Российского Лермонтовского комитета (со времени его создания в 2008 г. вместе с Расулом Гамзатовым и Владимиром Карповым), членом Международного союза журналистов.

Неутомимая и плодотворная научная и общественная работа В.А. Захарова снискала ему высокий и заслуженный авторитет и неоднократно поощрялась различными высокими почётными наградами и званиями, в том числе и высшими орденами: Св. Даниила Московского (РПЦ), Нестора Летописца 12-й степени (Украинская православная церковь Московского патриархата), Павла Первого (Русская зарубежная церковь – США), высшим орденом Суверенного военного мальтийского ордена (S.M.O.M) «Командорский крест» pro Merito Melitensi¹, медалью 1000-летия крещения Руси, медалью «За службу на Северном Кавказе» (2007 г.), медалью «Вачаган Барепашт» (Нагорно-Карабахская республика), Золотой медалью «Тюрксоя» (эта медаль вручалась всего дважды – Президенту Турции Абдулле Гюлю и В.А. Захарову) и др.

Память о Владимире Александровиче Захарове – большом ученом и незаурядном человеке, всецело преданном исторической науке, патриоте России и Армении – надолго сохранится среди нас.

Литература

Библиография..., 2016 – Библиография научных работ Владимира Александровича Захарова. К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и общественной деятельности // Известия Научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Вып. 4 (под ред. С.Л. Дударева). М.: Издательство Русская панорама. 2016. 112 с.

Владимир Александрович Захаров, 2004 – Владимир Александрович Захаров / Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология / Под ред. проф. В.А. Шаповалова, проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. С. 580.

Захаров Владимир Александрович, 2002 – Захаров Владимир Александрович (1946 г.р.). Под ред. В.Б. Виноградова / Российские исследователи Кавказа. История, археология, этнография. Вып. 22. Из эпистолярного наследия. Вып. 6. Армавир; Москва, 2002. 28 с. [Список основных печатных работ В.А. Захарова. С. 16-27].

Прохоров, 1995 – Прохоров Г.М. Захаров Владимир Александрович / Энциклопедия «Слово о полку Игореве». Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 213-214.

После юбилея, 2015 – После юбилея. Владимир Захаров о Лермонтове, лермонтоведении, литературных мифах и исторической памяти. Ярославль. Центральная библиотека им. М.Ю. Лермонтова. 07.04.2015 16:00. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clib.yar.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3042>

Священник Александр Гурин, 2021 – Священник Александр Гурин. Взаимоотношения власти с Русской Православной церковью (1917–1990) // *Человек в зоне*. Вып. 21-1. Фонд Инок. 2021. 31 с.

References

Bibliografiya..., 2016 – Bibliografiya nauchnyh rabot Vladimira Aleksandrovicha Zaharova. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiyu nauchnoj i obshchestvennoj deyatel'nosti [Bibliography of scientific works of Vladimir Alexandrovich Zakharov. To the 70th anniversary of the birth and the 50th anniversary of scientific and social activities]. *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy*

¹ Чтобы читателю был понятен межгосударственный уровень этой награды, отметим, что другой такой орден в РФ имеет только министр обороны С.К. Шойгу (Ред.).

Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova. Vyp.4 (pod red. S.L. Dudareva). M.: Izdatel'stvo Russkaya panorama. 2016. 112 p. [in Russian]

[Posle yubileya, 2015](#) – Posle yubileya [After the anniversary]. Vladimir Zaharov o Lermontove, lermontovedenii, literaturnyh mifah i istoricheskoy pamyati. Yaroslavl'. Central'naya biblioteka im. M.Yu. Lermontova. 07.04.2015 16:00. [Electronic resource]. URL: <http://www.clib.yar.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3042> [in Russian]

[Prohorov, 1995](#) – *Prohorov, G.M.* (1995). Zaharov Vladimir Aleksandrovich. Enciklopediya «Slovo o polku Igoreve». T. 2. SPb.: Dmitrij Bulanin, pp. 213-214. [in Russian]

[Svyashchennik Aleksandr Gurin, 2021](#) – Svyashchennik Aleksandr Gurin. Vzaimootnosheniya vlasti s Russkoj Pravoslavnoj cerkov'yu (1917-1990) [The relationship of power with the Russian Orthodox Church (1917–1990)]. *Chelovek v zone*. Vyp. 21-1. Fond Inok. 2021. 31 p. [in Russian]

[Vladimir Aleksandrovich Zaharov, 2004](#) – Vladimir Aleksandrovich Zaharov. Lermontovskij tekst: Stavropol'skie issledovateli o zhizni i tvorchestve M.Yu. Lermontova: Antologiya. Pod red. prof. V.A. Shapovalova, prof. K.E. Shtajn. Stavropol': Izd-vo SGU, 2004. 580 p. [in Russian]

[Zaharov Vladimir Aleksandrovich, 2002](#) – Zaharov Vladimir Aleksandrovich (1946 g.r.). Pod red. V.B. Vinogradova. Rossijskie issledovateli Kavkaza. Istoriya, arheologiya, etnografiya. Vyp. 22. Iz epistolyarnogo naslediya. Vyp. 6. Armavir; Moskva, 2002. 28 p. [Spisok osnovnyh pechatnyj rabot V.A. Zaharova. Pp. 16-27]. [in Russian]

Памяти Владимира Александровича Захарова (17.07.1946–01.11.2021)

Дмитрий Сергеевич Дударев^{a, *}

^a ООО «Проекты столицы», г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена памяти недавно ушедшего из жизни видного отечественного историка, литературоведа, политолога, деятеля Русской православной церкви В.А. Захарова. Область научных интересов В.А. Захарова была весьма широка. Его исследования посвящены истории Тмутараканского княжества, «Слову о полку Игореве», жизни М.Ю. Лермонтова, этнополитической истории закавказских государств, Северного Кавказа, Абхазии, Турции, истории Западной Европы периода Средневековья и Нового времени, особенно широко известного Мальтийского ордена. В.А. Захаров являлся автором более 1100 статей, 74 книг. Его статьи публиковались в газетах, журналах и научных сборниках России, Украины, Армении, Болгарии, Польши, Исламской республики Иран, Канады, США. В.А. Захаров был известен как общественный деятель. Он являлся членом Союза писателей России и Союза писателей Армении, сопредседателем Российского Лермонтовского комитета, членом Международного союза журналистов.

Ключевые слова: Тмутараканское княжество, «Слово о полку Игореве», М.Ю. Лермонтов, Русская православная церковь, Мальтийский орден.

* Корреспондирующий автор

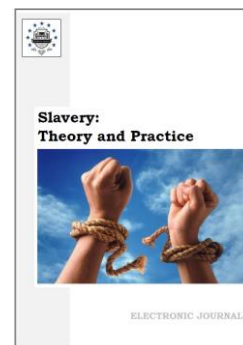
Адреса электронной почты: dudarev324@gmail.com (Д.С. Дударев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 58-65

DOI: 10.13187/slave.2021.1.58
<https://stp.cherkasgu.press>

Reviews

The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. Bylye Gody. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266 (A Special Issue)

Vladimir P. Trut ^{a, *}

^a Don state technical University, Rostov-on-don, Russian Federation

Abstract

The review analyzes the collection of documents "Circassian slave narratives". Special attention is paid to the consideration of the scientific article of the author-compiler of the collection A.A. Cherkasov, which precedes its main content. The content of this collection of documents is comprehensively characterized, the important, interesting, diverse source materials presented in it are analyzed, the vast majority of which are introduced into scientific circulation for the first time. The origin and main content of the documents included in the collection are characterized, the most important and interesting of them are considered. The scientific relevance and significance of the documents presented in the collection for further research on the problems of Russian-Circassian relations during the Caucasian War, the socio-economic development of Circassian society is determined.

Keywords: Circassian slave narratives, collection of documents, Circassia.

В конце 2020 года в специальном выпуске авторитетного научного исторического журнала «Былые годы», входящего в ведущие международные наукометрические базы данных, был опубликован фундаментальный сборник документов «Черкесские невольничьи повествования» (Сборник документов)¹. Представленные в нём документальные материалы посвящены актуальной научной проблеме существования в черкесском обществе таких специфических социальных и экономических явлений, как рабовладение и крепостничество. При этом данные явления освещаются сквозь призму как официальной документации самого разного характера русских военных и гражданских властей рассматриваемого периода, так и такого важного, интересного, хотя, естественно, и своеобразного первоисточника, как свидетельства бывших черкесских пленников-рабов и местных жителей, находившихся на положении как рабов, так и зависимого крепостного населения.

Автором-составителем данного сборника документов и автором вводной научной статьи, содержащей комплексный научный анализ, основанный на использовании целого

* Corresponding author

E-mail addresses: trut.vladimir@rambler.ru (V.P. Trut)

¹ Черкесские невольничьи повествования (Сборник документов). Автор-составитель и автор вводной аннотированной статьи А.А. Черкасов. *Cherkasov A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

ряда общенаучных и специальных научных исторических исследовательских методов, включая специальные источниковедческие, является доктор исторических наук, научный сотрудник Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований, член Восточно-Европейского исторического общества Александр Арвелодович Черкасов.

Масштабная и кропотливая работа по выявлению, систематизации и анализу разноплановых документов и материалов, вошедших в названный сборник, осуществлялась автором на протяжении длительного времени в Государственном архиве Краснодарского края. Именно в данном архивном хранилище сосредоточен поистине колоссальный и, к сожалению, вплоть до настоящего времени всесторонне и обстоятельно не исследованный корпус документального материала различного происхождения и характера, отражающего существовавшие в черкесском обществе и очень сильно влиявшие практически на все стороны его жизнедеятельности и развития рабовладельческие и крепостнические отношения.

Содержащиеся в сборнике документы были выявлены в 15 фондах Государственного архива Краснодарского края. Подавляющее большинство из них впервые вводится в научный оборот.

В структурно-содержательном плане рецензируемый сборник включает в себя вводную аннотированную статью (С. 1415-1434)¹, список используемых в сборнике сокращений слов и выражений (С. 1434), основную часть, содержащую подборку архивных документов, представленных в строгом хронологическом порядке (С. 1435-1907), приложение (С. 1908-2177), общий перечень размещённых в сборнике документов (С.2178-2206), список номеров и названий фондов Государственного архива Краснодарского края использованных при подготовке сборника (С. 2207), именной (С. 2208-2253) и географический указатели (С. 2254-2265), а также содержание сборника на английском и русском языках (С. 2266).

В предваряющей рассматриваемый сборник документов аннотированной статье, являющейся, по сути, предисловием к нему в виде компактного научного исследования представленного корпуса источников, автор проанализировал их общий количественный и содержательный состав, характер происхождения и общее содержание.

Он отметил, что данное им сборнику документов общее и в определённой степени условное название «Черкесские невольничьи повествования» в некоторой мере перекликается с произведениями, написанными в XVIII–XIX веках в известном жанре «невольничьих повествований». Эти произведения, как правило, отражали жизнь рабовыходцев из Африки и их потомков на территории Северной Америки и представляли собой рассказы, записанные со слов невольников. Они имели не только большую популярность у читателей, но и представляли собой довольно ценный, хотя и своеобразный исторический источник. Однако воспоминаний бывших черкесских пленников и рабов ни в то время, ни позже никто не собирал и, естественно, нигде не публиковал. И поскольку вплоть до настоящего времени аналогичных изданий, отражающих основное содержание и особенности жизнедеятельности находившегося на территории Черкессии населения, относящегося к категории рабского, в отечественной исторической литературе не представлено, предлагаемое издание должно заполнить имеющуюся историческую лауну.

Осуществив выявление, систематизацию и внешнюю критику источников, автор правомерно констатировал, что выявленные документы не представляют сплошного массива, охватывающего все годы указанного хронологического периода. В представленной им первой диаграмме отчётливо видно, что появление делопроизводственных и иных документов в течение различного времени и, соответственно, их количественное распределение по отдельным годам неравномерно. В течение некоторых лет, например в 1810, 1813 и 1823 годах, их количество было гораздо больше среднего по сравнению с предыдущими и последующими периодами, а в отдельные годы, в частности в 1825, 1826, 1849, 1856 годах, таковые вообще отсутствовали. Данный факт, по мнению автора, объясняется объективными обстоятельствами плохой читаемости документов, особенностями их архивной систематизации хранения и, соответственно, возможностями

¹ Присутствующая в рецензируемом сборнике документов, изданного в журнальном формате, нумерация страниц обусловлена правилами, существующими в печатных периодических изданиях данного плана. Она является сквозной, начинается с первого номера журнала конкретного года и завершается в последнем номере журнала данного года. – В.Т.

работы с ними исследователей. Основываясь на статистических материалах по демографии Черкесии первой половины XIX в. А.А. Черкасов рассмотрел демографическую ситуацию в крае и, что важно, социальный состав местного разноплеменного горского населения. Он заключил, что зависимость в черкесском обществе была достаточно значительной, особенно в Причерноморье, где находились центры кавказской работорговли, и что даже после махаджирства около трети местного черкесского населения относилось к зависимым крестьянам и рабам (С. 1418-1419). Стремясь осветить обозначенную проблему максимально обстоятельно и всесторонне, автор охарактеризовал её отражение в сочинениях различных путешественников и эмиссаров (С. 1419-1421). При этом можно полностью согласиться с авторским заключением о том, что отражение так называемого обычного черкесского права в источниках личного происхождения путешественников и эмиссаров является слабо достоверным свидетельством о правах рабов и крепостных на территории Черкесии (С. 1430).

В отдельном параграфе раскрываются вопросы генезиса, сущности и развития рабства в Черкесии, участия в захватах пленников и их обращения или продажи в рабство не только черкесов, но и абхазцев и представителей других горских народов данного региона. Автор, основываясь на анализе значительного массива разнопланового источникового материала и историографических работ различных периодов, совершенно правомерно констатировал, что, «помимо набегов на Кавказе, и в частности на территории Черкесии, были распространены внутренние войны между черкесскими соседними племенами или аулами, а также похищение людей внутри собственных горских обществ» (С. 1421). Всё это предпринималось с целью захвата любых пленников и доставки их в качестве своеобразного живого товара на невольничьи рынки в самой Черкесии, которые действовали в устьях всех крупных рек на её причерноморском берегу (Там же). Данное заключение подтверждается и ссылками на документы, представленные в рассматриваемом сборнике (Там же). В развитие данного аспекта следует отметить, что непосредственно в представленном сборнике документов присутствуют очень интересные и весьма красноречивые в данном плане документальные источники, например документы 1171, 1173, 1174, отражающие даже факты добровольной продажи черкесами своих жён (С. 1894-1895).

Необходимо отметить и ещё одно существенное авторское заключение, также основанное на анализе выявленных архивных документов и не получившее, к сожалению, необходимого освещения в историографии, о том, что в 1805 г. черкесы практически утратили интерес к взаимному обмену пленными. Русские власти сразу обратили внимание на это обстоятельство и оперативно на него отреагировали. В результате уже в апреле 1806 г. последовало личное распоряжение императора о необходимости выкупа русских пленников (С. 1422).

Несомненный интерес представляет и составленная автором таблица, в которой отражено распределение перешедших на русскую сторону выходцев из Черкесии в различные годы обозначенного хронологического периода и, что особенно важно, назван их социальный статус (С. 1425-1426, таблица 4). Из общей численности «перебежавших» горцев в 2878 человек 156 человек являлись дворянами (С. 1426). При этом и сам факт перехода к русским горцев, являвшихся представителями высшего сословия, и их численность заслуживают, по нашему мнению, внимания и дальнейшего анализа.

Автор установил, что двумя основными группами, вышедшими из Черкесии в период 1792–1861 годов, были горцы, как непосредственно черкесы, так и представители других горских народов, всего 1089 человек, или 38 % от общей численности, и русские, численность которых составила в целом 36 % от общего числа перебравшихся на русскую территорию. Остальное количество составляли ногайцы, армяне и представители других народов (С. 1428).

По мнению А.А. Черкасова, общее количество ушедших из Черкесии людей, по неполным данным, составляет не менее 6 тыс. человек. При этом побудительные причины их бегства из Черкесии на территорию, контролируемую русскими властями, были достаточно разнообразны. Среди прибывших большинство являлось черкесами, а вторую по численности группу составляли бежавшие из неволи русские военные, казаки, представители мирного гражданского населения, женщины и дети, большинство из которых были захвачены в ходе набегов черкесов на казачьи станицы. Всего же, по данным автора, который правомерно отмечает их неполноту, через черкесское рабство прошли

представители порядка 20 народов и народностей, среди которых были черкесы, русские, абазины, татары, турки, греки, кабардинцы, калмыки, грузины, армяне, молдаване, австро-венгры, поляки, немцы, болгары, евреи, литовцы, ряд малочисленных народов, проживавших в различных географических, иногда весьма значительно удалённых от Кавказа, регионах, и даже уроженцы Африканского континента. Их жизнь в неволе была поистине ужасна. Можно полностью согласиться с итоговым авторским заключением, основанном на объективном и всестороннем изучении очень широкого и разнопланового источникового материала, о том, что «положение рабов и крепостных в черкесском обществе было практически бесправным. И первые, и вторые в любой момент могли быть проданы своим хозяином, в том числе по отдельности. Зависимым нередко наносились увечья, в том числе влекущие в последующем смерть. Балансируя между жизнью и смертью, рабы в Черкесии постоянно находились в депрессивном состоянии. Многие из них подвергались религиозному и этническому преследованию. Часть пленников, не имея возможности избавиться от рабства, кончала жизнь самоубийством» (С. 1430).

Основную часть рецензируемого сборника документов составляют, естественно, представленные в нём архивные документальные источники. В сборнике содержится 1200 разных по своему характеру документов, относящихся к периоду 1792–1861 годов. Доминирующий источниковый массив составляет различная официальная делопроизводственная документация представителей русской военной администрации, рапорты, представляющие большинство документов данного плана, различные донесения, отношения (докладные), отчёты, ведомости о состоянии карантинных застав и выписки из журналов о состоянии тех или иных карантинных контор, именные списки и материалы опросов бежавших и выкупленных из плена, ведомости (пофамильные списки) горцев, «вышедших из Закубани или с гор».

Основываясь на фундаментальных исследовательских принципах историзма, объективности и научности, автор-составитель сборника выявил и включил в него практически все доступные в настоящее время документы, в той или иной мере затрагивающие рассматриваемую проблему. При этом он, естественно, прежде всего исходил из их научной новизны, ценности и принципиально дистанцировался от каких-либо политико-идеологических и иных сугубо субъективных критериев. В качестве примера, причем весьма показательного, можно привести представленные в сборнике документы, свидетельствующие о таком негативном для русской армии явлении, как дезертирство и бегство солдат к горцам. Например, документ 225 «Рапорт военному губернатору Розенбергу от войсковой канцелярии. 23 марта 1804 г.», в котором, в частности, говорится об обмене егеря 12-го егерского полка Алексея Смольянинова, «учинившего побег за Кубань истекшего года в ноябре месяце» (С. 1534-1535); документ 226 «Ведомость о состоянии карантина при Екатеринодарской заставе. Март 1804 г.», содержащий, среди прочего, сведения о выходе и обмене солдата и казака, самовольно бежавших ранее к горцам (С. 1535).

Или, например, содержание документа номер 1135 «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев. 6 июля 1847 г.», подписанные лично главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом князем Воронцовым 6-го июля 1847 года, в котором говорится о том, что «1) военно-пленными считаются: а) Горцы всякого возраста и пола (!!!-В.Т.), взятые в плен нашими войсками; 2) Военно-пленные, без различия пола и возраста (!!!-В.Т.), остаются в продолжении трех месяцев в ближайших крепостях или укреплениях, для размена русских пленных в горах находящихся; 3) взятых целыми семействами в плен разменивать не иначе как семействами же, допускается исключение в таком только случае, если родители сами пожелают отдать кого-либо из детей горцам на обмен наших пленных» (С. 1871). То есть, как видим, русские войска во время ответных набеговых действий могли брать в плен не только горцев, но даже и членов их семей с целью дальнейшего обмена на захваченных черкесами русских мирных жителей. Суровые реалии войны порождали и жёсткие и зачастую жестокие её правила. При этом, правда, следует отметить, что обращение к пленным горцам, особенно к мирному горскому населению со стороны русских властей было более чем гуманным. В данных правилах подчёркивалось, что в случае, если пленённые горские девушки по каким-либо причинам не будут обменены, то они могут оставаться жить в приютивших их русских семьях, строго указывалось на недопустимость по отношению к ним каких-либо негативных

действий, о том, что они «ни в каком случае не могут быть причислены к крепостному состоянию» (С. 1872). Более того, рядовым военнотружущим и гражданским лицам разрешалось «по обоюдному согласию» вступать с ними в законный брак, «если они для замужества с христианами примут Св. крещение, достигши установленного возраста и изъявив согласие на таковой союз» (С. 1872). При этом предписывалось: «Местное военное начальство строго обязано наблюдать, чтобы пленницы не иначе были обращаемы в христианскую веру, как по собственному их убеждению, по добровольному желанию и не прежде как по изучении догматов православной церкви; причем вменяются в ответственность, чтобы отнюдь не было употребляемо насильственных или обольстительных мер» (С. 1872). А «каждому нижнему чину, женившемуся на пленнице, предоставляется испрашивать для первоначального обзаведения по 45 руб. серебром» (С. 1872).

В сборнике документов присутствуют также и некоторые довольно интересные и весьма специфические источниковые материалы, отражающие особые сферы взаимоотношений русских властей и горцев, например документ номер 258 сборника «Клятвенное обещание и присяга черкесов русскому царю», датированный маем 1805 года (С. 1549-1550). Это присяга русскому императору трёх влиятельных представителей черкесской знати, в тексте не указано князей или дворян-уорков, знатность которых подчёркивала приставка «бей» в их фамилиях, и 120 человек их подданных, социальный статус которых в документе также не отмечен и определён общей фразой «их люди».

Представлены и достаточно редкие документальные материалы, отражающие способы взаимоотношения русских властей и горцев в плане обмена и выкупа пленников из черкесского рабства: документ номер 813 сборника «Расписка черкесского дворянина К. Немирова о получении денег за пленных» от 4 апреля 1830 года (С. 1750); выделения финансовых средств на содержание вышедших с гор на русскую территорию горцев, например, документ 1064 сборника «Ведомость о средствах выданных для продовольственного обеспечения черкесов в татарском селении Ады» за январь 1842 года (С. 1840-1842).

Другую группу представленных в сборнике документов составляют 180 различных материалов опросов бежавших или выкупленных из черкесского плена русских солдат, казаков и членов их семей, представителей других сословий, а также захваченных горцами граждан других государств и «вышедших» с гор на русскую территорию горцев разных национальностей, включая и черкесов-рабов и крепостных. При этом, и данное обстоятельство является весьма примечательным, именно опросы последних представлены наиболее широко.

Значительное внимание исследователей, помимо собственно представленных в рассматриваемом сборнике документов, несомненно, заслужит и сформированное автором в результате значительной поисковой исследовательской работы «Приложение» в виде «Таблицы 5», озаглавленной «Лица, вышедшие из Черкесии в 1792–1861 годах». В данном приложении содержатся данные о фамилиях и именах, национальностях (как написано в оригинальном тексте «племени»), принадлежности к конкретному сословию, возрасте, пояснениях, откуда бежал и куда пришёл («вышел») бывший черкесский пленник, причине бегства, а также номера фондов, описей, дел и листов ГАКК, откуда была извлечена представленная в данной таблице информация. Весьма показательно, что в данной таблице содержатся сведения о 2787 бывших черкесских инонациональных пленниках и собственно черкесах и членах их семей, являвшихся рабами своих соплеменников или находившихся в крепостной зависимости и подвергавшихся различным формам дискриминации и угрозам продажи или даже их жизни (С. 1908-2177). Эти данные отчётливо являются персонифицированными конкретными свидетельствами лиц, непосредственно испытывавших на себе рабское и иное зависимое положение, обусловленные им физические и душевные муки и тяготы. Они зримо свидетельствуют не о каком-то абстрактном, общем и размытом черкесском рабстве, а о сущности и размерах черкесского рабства как непосредственного конкретного исторического явления, отличавшегося своими большими масштабами и существовавшего на протяжении очень длительного времени. По сути дела, многие содержащиеся в данном приложении сведения, основанные на расспросах и показаниях непосредственно самих бывших черкесских узников, являются уникальным

первоисточником, личными свидетельствами бежавших или выкупленных у горцев рабов, то есть настоящими «невольничьими повествованиями».

Несмотря на то, что все содержащиеся в данном приложении-таблице сведения представляют очевидный исследовательский интерес, особо следует отметить содержание графы «причина бегства» (имеется в виду из плена). В ней, в частности, встречаются и просто отдельные слова или группа слов, например, «пленён», «схвачен», «схвачен черкесами», «бежал», «выбежал», «выбежал из плена»; и весьма характерные слова просто «продан», относящиеся не только к пленникам разных национальностей, сословий и рода занятий, но и к бывшим зависимым членам собственно черкесского общества; и более развёрнутые характеристики обстоятельств дела, например «схвачен черкесами, продан, бежал». Присутствуют и крайне любопытные, иногда просто неординарные фразы, сами по себе могущие стать предметом специального рассмотрения, например, «бежал с казаком и 13 греками», «планировал перейти на сторону русских с семьей и несколькими семействами соседей. Хозяин, узнав об этом, отправил его в цепях в горы на жительство. Оттуда он и бежал, сломав железные цепи» (в данном случае речь шла о кабардинце Умогоже Усишове, С. 1915), «Взятый в плен в Польше татарами. Бежал из плена» (речь шла о русском Семене Коньме, пленённом в 1795 году (С. 1916), ногаец Абдула «говорит на русском языке. Желает принять православную веру. В плену 12 лет. Бежал с женой» (С. 1917).

Достаточно часто встречаются фразы «вышел вместе с семьёй», то есть перешедший на русскую сторону бывший житель черкесской территории, а иногда даже указываются анонимные ногайские женщины, с прочерком в графе «фамилия имя», с указанием «выбежала с семьей» и даже «выбежала с детьми и подвластными» (С. 1920). Присутствуют и формулировки, относящиеся к добровольно перешедшим на русскую территорию одиночным черкесам, а иногда и черкесам со своими крепостными, например, черкес Кусель «выбежал с крестьянином» (С. 1921), а некий анонимный, «подвластный», как указано в тексте, черкес даже «выбежал с хозяином» (С. 1921). Татарин Соин (Емельянов Симион) в 1796 году «выбежал из плена. Желает принять христианскую веру и стать черноморским казаком» (Там же). А схваченные натухайцами армяне, в частности некоторые священнослужители, выкупались из плена своими единоверцами – закубанскими армянами (С. 1923). В отдельных случаях, наоборот, имевшие в своём владении русских пленных солдат горские армяне освобождали их за выкуп, то есть фактически продавали (С. 1925). Черкесы также охотно покупали пленников, захваченных татарами, натухайцами, ногайцами (С. 1930). Некоторых пленников, например отдельных русских солдат, обменивали на черкесских пленных, «представляли на обмен» или «обменен на имущество хищников» (С. 1933, 1937-1952). Процесс обмена пленными, а также выход из Закубанья на русскую сторону черкесов, зачастую с семьями, а также армян, греков, ногайцев, как видно из данной таблицы, заметно активизировался в начале XIX века, примерно с 1803 года, и впоследствии интенсивно продолжался (С. 1956-1978). А с 1808 года, как явствует из представленных в данном приложении сведений, отмечается заметное увеличение выкупа русских пленников из черкесского плена (С. 1979-1981). С этого же года заметно активизируется переход, иногда даже коллективный, на русскую сторону ногайцев из Закубанья. Как отмечалось в документах, «вышел/вышла вместе с соплеменниками» или «вышел/вышла в поисках защиты от грабительства черкесов» (С. 1980-1984).

В 1810 году на русскую территорию, спасаясь от преследований и насилий со стороны черкесов, вместе со своими семьями перешли являвшиеся турецкоподданными греки и армяне. В документах отмечалось: «Грек. Турецкоподданный. Перешел на жительство в Россию с семейством. Всего 8 человек» (С. 1986), «Армянин. Турецкоподданный. Желает вступить в русское подданство», «Армянка. Турецкоподданная. Желает вступить в русское подданство» (С. 1988). Зафиксирован и довольно примечательный случай, когда захваченные черкесами и проданные в турецкое рабство русские военнослужащие, гражданские лица, включая детей, абазинцы, в основном женщины, и некоторые мужчины-черкесы в 1810 году были освобождены моряками русского корвета «Крым», перехватившими шедшее в Турцию судно с невольниками (С. 1989-1995). Из черкесского плена бежали на русскую территорию и турки, включая женщин и детей (С. 1995). Официальные документы бесстрастно фиксировали все случаи бегства, обмена, выкупа

черкесских пленников. Отмечались и очень редкие, единичные, но в то же время весьма и весьма своеобразные случаи. Например, 12 марта 1815 года было отмечено, что черкешенка Фатма выкуплена у черкесов владельцем питейной конторы (С. 2015). А запись от 28 марта этого же года гласила, что Найдёнова Дарья «Малороссиянка. Захвачена 15 августа 1814 г. на Малой Понурке. Выкрадена черкесами у других черкесов и представлена русским на продажу. Выкуплена» (С. 2015). 6 августа из черкесского плена бежали и вышли на русский кордон два поляка, воевавшие во французской армии, Зигмундовский Ян и Велександрович Симон, в отношении каждого из них было отмечено: «Поляк. Солдат французской армии. Взят в плен под Можайском в 1812 г. Отправлен на Кавказскую линию в Ставрополь. Находился под надзором. Захвачен черкесами в 1813 г. Бежал» (С. 2019).

В июле 1823 года на русскую территорию сбежал черкесский мальчик Магмет, который «оставшись в малолетстве без отца и матери, продан своими людьми в рабство. Пожелал освободиться защитой российского начальства. Потому и бежал» (С. 2041). В 1834 году в одном из официальных докладов было сказано, что на русскую сторону перебежал черкес Пшебисим, который «жил у владетеля Магмет Аббата. Отец Габатар и мать Перув. По прошествии 20 лет князь Магмет разорил их, отца куда-то продал, а его взял к себе. Связал жену Салих, бил ее, держал связанной сутки и хотел лишить жизни. Бежал вместе с семьей» (С. 2070). Как видим, за судьбой каждого бывшего черкесского пленника-раба, без различия их национальностей, вероисповедания и сословного статуса стояла своя жизненная трагедия. При этом, правда, удачный побег, обмен или выкуп позволяли некоторым из них спасти свою жизнь. Но многие тысячи жизней были в прямом смысле слова загублены в бесчеловечном черкесском рабстве.

Необходимо особо отметить, что выявление, анализ и систематизация документов и их сведение в единую таблицу, представленную в особом приложении, явилось своеобразной квинтэссенцией рассматриваемого документального сборника, лаконичным, но очень ёмким, всесторонним и содержательным выражением заложенной и успешно реализованной в данном сборнике общей авторской исследовательской концепции.

В качестве замечаний и рекомендаций относительно введения и содержания рассматриваемого сборника документов можно отметить следующее.

Автор-составитель озаглавил данный документальный сборник как «Черкесские невольничьи повествования», в то же время необходимо отметить, что, во-первых, данное название сборника представляется несколько условным, во-вторых, содержащийся в нём основной массив документов относится не столько к собственно невольничьим повествованиям как таковым, сколько к официальному делопроизводству русских военных и гражданских ведомств, органов Черноморского, с 1861 г. Кубанского казачьего войска. Представляется, что более оптимальным являлось бы название сборника документов как «Рабство в Черкессии в документах», или «Источники по вопросу рабства в Черкессии», или, в случае следования авторскому подходу, «Черкесские невольничьи хроники».

Приведённый в книге список используемых в сборнике сокращений слов и выражений (С. 1434) необходимо было поставить не в самом начале сборника, а наоборот, в его конце.

Представленный сборник документов «Черкесские невольничьи повествования», содержащий очень значительный и разноплановый архивный документальный материал по таким сложным и неоднозначным вопросам, как сущность, масштабы и роль рабства в черкесском обществе; жизнь и быт рабов многих национальностей, отражение их в свидетельствах непосредственно самих бывших невольников; взаимоотношения русской военной и гражданской администрации с горцами в свете данного явления, без сомнения, станет важной источниковой базой дальнейших научных исследований по истории черкесов-адыгов, Северо-Западного и Центрального Кавказа, Кавказской войны, противоречивых и крайне неоднозначных практик русско-черкесских конфликтных и бесконфликтных отношений. Публикуемые в нём документы позволят учёным-кавказоведам с новых ракурсов взглянуть как собственно на историю адыгских народов, их жизнедеятельность, её особенности, включая и такое значимое социально-экономическое явление, как рабовладение, его однозначно негативное влияние на развитие и последующий серьёзный внутренний кризис самого черкесского общества, жизни и судьбы черкесских рабов и крепостных, так и на очень сложные взаимоотношения с горцами русской администрации в крае, черноморских, впоследствии кубанских и терских казаков, в целом

на судьбы всех проживавших в крае народов. Сборник документов «Черкесские невольничьи повествования» безусловно, вызовет значительный интерес не только учёных-историков, но и краеведов, всех интересующихся историей политической, социально-экономической, военной историей, региональной историей, в частности историей и этнологией Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Литература

Cherkasov, 2020 – *Cherkasov, A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

References

Cherkasov, 2020 – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

**Черкесские невольничьи повествования (Сборник документов).
Автор-составитель и автор вводной статьи А.А. Черкасов. Былые годы. 2020.
Том 57-1. Номер 3-1. Специальный выпуск. Страницы 1415-2266.**

Владимир Петрович Трут ^{а, *}

^а Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

Аннотация. В представленной рецензии анализируется сборник документов «Черкесские невольничьи повествования». Особое внимание уделено рассмотрению предваряющей его основное содержание научной статьи автора-составителя сборника А.А. Черкасова. Всесторонне охарактеризовано содержание данного сборника документов, проанализированы представленные в нём важные, интересные, разноплановые источниковые материалы, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот. Охарактеризованы происхождение и основное содержание документов, вошедших в сборник, рассмотрены наиболее важные и интересные из них. Определены научная актуальность и значение представленных в сборнике документов для дальнейших научных исследований по проблематике русско-черкесских взаимоотношений в период Кавказской войны, социально-экономического развития черкесского общества.

Ключевые слова: «Черкесские невольничьи повествования», сборник документов, Черкессия.

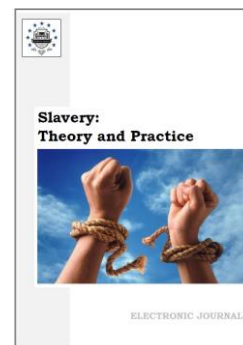
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: trut.vladimir@rambler.ru (В.П. Трут)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 66-67

DOI: 10.13187/slave.2021.1.66
<https://stp.cherkasgu.press>

The Results of the Second International Competition “Slavery in the Past and Present”

Konstantin V. Taran ^{a,*}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

In the summer of 2020, an annual international competition for the best research work “Slavery in the past and present” was established. The founders of the competition were the East European Historical Society, the International Network Center for Fundamental and Applied Research, now Cherkas Global University (Washington, USA), as well as KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana). The results of the First competition were announced on December 20, 2020 and the competition commission recognized the best 5 competitive works from the following countries: USA, Russia, Slovakia, Ghana. On February 14, 2021, the Second Competition for the best research work “Slavery in the past and present” was announced. The results of the competition were announced on October 23, 2021. As in the previous year, the 5 best works were selected, the winners represent countries such as the USA, Russia and Ukraine. The works of the winners are published in the journal “Slavery: Theory and Practice”.

Keywords: Second International Competition, “Slavery in the past and present”, 2021.

On February 14, 2021, the Second (annual) international scientific research competition “Slavery in the past and present” was announced. The founders, as in the last time (2020), were the East European Historical Society, the International Network Center for Fundamental and Applied Research, which was reorganized into Cherkas Global University (Washington, USA) in the summer, as well as KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana).

The prize fund of the contest remained unchanged – \$ 2,250.

On October 23, 2021, the competition commission summed up the results of the competition.

So, according to protocol, the works from the following countries were submitted to the competition: Russian Federation, USA, Ghana, Ukraine.

The committee on summing up the results of the competition decided to distribute the prize fund in equal shares (\$ 450 each) among the five best works.

The following works were selected among the best:

Anatoliy V. Goncharenko. The Slavery in the Ottoman Empire (first half of the 19th century): to the issue of the status of monastic slaves;

Sergey L. Dudarev. On the place and status of Armenian traders in the Cherkassky Zakubanye and their role in russian-mountain relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to documents from the State Archives of the Krasnodar Territory);

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

Ivan A. Ermachkov. Russian official correspondence on the return of Russian prisoners from the Khiva Khanate in 1839;

Evgeniya V. Kravtsova. From the history of slavery and the slave trade in the Belarusian lands of the X-XIII centuries;

Artyom Y. Peretyatko. The first artistic experience of comprehending the issue of female sexual slavery in specific Don Cossack literature: the store «Bulavin's grave sin» by N.I. Krasnov (1884).